

Александр Волков

Тень

Annotation

Рэн очнулся без памяти, без прошлого, и без какой либо надежды на светлое будущее. Лишённый всего, он попал под Купол — загадочное исполинское строение, ставшее последней колыбелью человечества, истреблённого тенями. Попав под опеку к мастеру фехтования Рю, Рэн присоединился к армии мечников, защищавшей Купол от вторжения демонов снаружи, и ему даже удалось занять среди защитников почётное место, став признанным мастером клинка. Однажды в нём проснулась загадочная сила, которая стала и даром, и проклятием одновременно. Рэн пал жертвой правительственных интриг, и будучи изгнанным, возжелал добраться до правды, чтобы узнать, кто управлял куполом, и какие демоны населяли планету на самом деле.

Глава 1

Ночь была страшной, и холодной. Слишком холодной для десятилетнего мальчика, вроде меня. Пламя охватило здания, вдоль которых тянулись длинные улицы. Я очнулся лёжа в незнакомом месте, и мышцы ныли от боли. В тело что-то неприятно давило. На душе было паршиво, и я не мог понять причину своего беспокойства, не считая того, что я не понимал кто я, и где. Воздух был пропитан запахом пороха и гари, что мешало мне вдохнуть полной грудью, и окончательно прийти в себя.

С трудом приподнявшись на ослабших руках, я огляделся, и увиденное повергло меня в шок. Я находился на широком проспекте, который освещался светом огня, но асфальта было практически не видно. Всюду лежали изувеченные клинками трупы, лежавшие один на другом. Мне стало страшно, и кровь в жилах застыла, заставляя кожу холодеть.

Став оглядываться, я старался не шевелиться, будто бы мог потревожить чей-то крепкий сон. Я боялся, что кто-то из покойников вскачет, схватит меня, и утащит с собой в своё царство смерти, но с другой стороны я боялся, что никто не очнется. Кто тогда объяснит мне, куда и зачем я попал?

Осматривая окружавших меня покойников, я остановил свой взгляд на блондинке, лежавшей прямо рядом со мной. Стоило мне всмотреться в её лицо, как меня тут же проняла мелкая дрожь, а по спине будто прополз ледяной угорь. От её вида мне стало невыносимо больно, и вскоре я даже заметил, что плачу. Её волосы были золотистого цвета, и волнились, опускаясь ниже плеч. Меня проняло сильное чувство жалости к ней. Кем бы ни была эта блондинка, я точно её не знал, но всё равно было плохо.

— Эй! — крикнул я, поглядев в бесконечную пустоту горящего города..

Чувство одиночества становилось всё сильнее, и от страха я покрылся ледяным потом. Дома соединялись, и были похожи на громадный, пылающий тоннель, с редкими темными пробелами в стенах. Я хотел услышать человеческий голос. Любой, будь то вскрик, оклик, да или просто вздох. Любой голос, который заглушит треск огня, и стук моего собственного сердца. — Помогите! Пожалуйста!

Встав на ноги, я ощутил, как земля чуть не ушла из-под ног, и стал падать лицом вперёд. Я вытянул руки, готовясь гасить ими силу падения, но к счастью смог устоять на ногах. На асфальте лежал самурайский меч, раньше, судя по всему, валявшийся подо мной. «Как я его сразу не заметил?» — подумал я. Гарда с рукоятью была крепко привязана к красным ножнам. Смотря на него, я стал ощущать себя обманутым. Ведь в моем представлении самурайский меч — нечто изысканное, пестрящее красивыми рисунками и орнаментами, которыми усыпаны ножны и рукоять с гардой, а тут такое... Обычный, незатейливый, совсем не внушающий того страха и восхищения, что обычно приходят при виде такого оружия.

Помешкав, я решил поднять меч, удобно поместившийся в ладонь. Он был на удивление лёгок, чем заслужил ещё больше моей симпатии. Я стал дёргать за рукоять, в попытках вынуть клинок, но попытки были тщетными. Веревка еле тянулась, даже трещала, но рваться не хотела. Развязать узлы тоже не удалось, как и увидеть хоть кусочек лезвия. Я решил, на всякий случай, что оставлю меч себе. Осмотревшись ещё раз, я заметил, что почти у каждого покойника на этом проспекте был меч, как в ножнах, так и обнаженный. Но иметь что-то, кроме того, что я нашел, мне уже не хотелось. Меня интриговал именно найденный, и он же придавал мне спокойствия.

Сделав шаг, я понял, что долго идти не смогу. Мускулы с трудом подчинялись, неохотно реагируя на команды, и желая застыть в состоянии покоя. Двигаясь, я морщился от боли, и мечтал прилечь. Может, не стоило вставать?

Я шел по проспекту, иногда поглядывая на пылающие переулки и пытаюсь заметить там хоть какое-то движение. Было невыносимо жарко, мне стало очень тяжело, и я замедлил ход. Меч был почти с меня ростом, потому нести на весу было неудобно, и я тащил его по земле.

Меня раздирали противоречия. Почему я одновременно боюсь и хочу быть пойманным?

Вскоре я наткнулся на переулок, огонь до которого ещё не добрался, и решил зайти в него, из любопытства. Переулок лежал между пылающим зданием и высоким каменным забором, которого пламя не касалось.

Там может быть безопасно.

Прежде чем зайти в переулок, я глянул вдаль, с удивлением заметив новую деталь. У самого горизонта, врезаясь в толщу облаков, возвышалось громадное строение, напомнившее часть гигантского купола. Будто с небес наступила исполинская нога, а я видел лишь лапу с тупым когтем. На его фоне вырисовывались горящие здания. Город стал гигантским факелом, и лишь благодаря этому я не шёл по улицам как слепой. Обернувшись, я увидел, что над мертвыми телами клубился едва заметный черный туман, исходивший от них. Это заставило меня содрогнуться, ведь если я приблизительно догадывался о причинах гибели всех этих людей, то представить то, что с ними происходило в данный момент, я даже не мог. Стало ещё страшнее, чем было, и я заметил, что меч у меня в руках дрожал, нет... Это я держал его дрожащими руками.

Надо уходить.

Ограда в переулке была длинной и высокой. Вбежав, я стал осматриваться в поисках входа, стараясь делать это как можно быстрее. От забора исходил приятный холодок, и я старался идти поближе к нему. Что-то делало меня уверенным в том, что забор огня не пропустит, и я заметил, почему. Забор окутывался ледяными облаками, и когда я коснулся его, возникшее жжение в пальцах и боль заставили отскочить назад. Вскрикнув, я глянул на свою ладонь, и с ужасом осмотрел побледневшую от холода кожу.

Где же вход? Поблизости его не было видно, и я решил продолжить путь.

Шел недолго, прежде чем его обнаружить, и расстроился, когда увидел, что он закрыт облаками. Проем ворот было видно более-менее сносно. «Придется проскакать» — недовольно подумал я, представляя, как получу обморожение. Ну, обморожение оставляет больше шансов на выживание, в данном случае, чем сгорание заживо.

Сделал полный вдох с горячим воздухом, взял короткий разбег, и скакнул в проем входа, чуть ли не рыбкой. Меня окутал пронизывающий холод, я покрылся инеем и повалился на землю, стуча зубами. Всё тело стало жечь и неприятно покалывать. Проклиная всё на свете, я на миг решил, что лучше бы остался в жарком переулке. Еле вставая, я возвращал контроль над резко остуженным телом, и всё ещё сыпал проклятиями, даже ругнувшись матом.

Передо мной было нетронутое здание, выполненное в Японском архитектурном стиле и вызвавшее у меня ощущение уюта, которое вскоре сменилось очередным испугом. В таких условиях хозяева вряд ли были настроены мирно, потому передо мной стоял выбор, либо спрятаться где-то во дворе и пересидеть, либо дать хозяевам знак, что я здесь. Помощь мне нужна была больше, чем просто убежище.

— Хозяева! Я не враг! Мне нужна помощь! Пожалуйста! — Жалобно крикнул я, и тут же застыл в ожидании скорого ответа, но его не последовало.

Испытывая колоссальное напряжение, я вошел в дом, и закрыл за собой дверь. Я оказался перед громадной тренировочной площадкой, на которой, судя по снарядам, занимались мечники. У стен стояли большие деревянные шкафы. Свет пламени снаружи падал в окна, и тускло освещал зал, позволяя худо-бедно что-то видеть. Внутри было тихо из-за звукоизоляции, потому снаружи не доносилось ничего. Я испытал прилив радости, вспомнив свою мечту стать самураем, и понял, что самураи, наверное, тренировались именно в таких местах. Осознав, что у меня в руках настоящий самурайский меч, и что я в тренировочном зале мечников, я решил, что приблизился к исполнению мечты. Странно... мне ведь ничего не вспомнить, но откуда у меня тогда знания, и мечты? Мысль о самураях посетила меня неожиданно, как озарение.

Вдруг раздался грохот. Из деревянного шкафа, вскрикивая, вывалилась маленькая девочка. Она испуганно вскочила, увидев меня, и застыла на месте, как парализованная. Она старалась не шевелиться, будто перед ней стоял тираннозавр, реагирующий только на движения.

Чтобы показать, что я не представляю угрозы, мне пришлось вытянуть руки, мягко сказав:

— Не бойся, я тебя не обижу, — но это её не успокоило. Только сейчас я понял совершенную мной глупость, ведь в одной из ладоней красовались ножны, на которые девочка смотрела, побледнев. Вид у меня наверняка был очень угрожающий.

— Дедушка! — Она крикнула, и, умчалась из комнаты, подобно напуганному кролику.

«Всё, я точно труп, — подумал я обреченно. — Сейчас выскочит умалишенный старик и отрубит мне башку». Поняв, что попал в неловкую ситуацию, и, не сомневаясь, что противник имеет боевое превосходство, я принял единственно верное решение — бежать. В помещении взвыл ветер. Стоило мне развернуться, как я услышал звон лезвия, которое рассекло воздух и застыло прямо перед моей шеей. Я зажмурил глаза, втянув голову в плечи, и разжал ладони, роняя ножны, с грохотом упавшие на пол.

— Н-не убивайте, — говорил я, жадно глотая воздух от ужаса, и будто пытался надыхаться перед смертью. — Я не хотел никого обидеть, просто снаружи пожар и я...

Я ощутил, как опасность, находившаяся в сантиметрах от моей шеи, миновала.

— Повернись, — услышал я старческий голос. — Руки держи так, как сейчас, ладони распущены.

Я молча повиновался, сейчас готовый даже плясать по велению старика, лишь бы он снова не достал клинок. Повернувшись, я смог разглядеть его. На лысине мелькали отражения огоньков. Длинные усы, свисавшие чуть ли не до груди, заставили меня вспомнить образ мифического Китайского дракона, да и ощущения при виде старика я переживал те же, что переживал бы при виде дракона. Он выглядел сильным, мудрым, что одновременно и пугало, и успокаивало меня.

— Ты видел тени у ограды?

«Какие тени? О чём это он говорит?» — я совсем не понял.

— Н-нет, — всё ещё дрожащим голосом вымолвил я. — Какие тени?

— Пока их нет, у нас больше шансов добраться до Купола.

При слове Купол я вспомнил строение, достававшее до небес. Неужели старик собирался туда? Но как он собирался туда пройти, и главное, зачем ему это нужно? Разве там безопасно?

— Что вы со мной сделаете? — страх стимулировал воображение. Мне представлялось,

что старик воспользуется мной, затем убив, избавившись как от ненужной вещи.

— Поможешь Хеле нести вещи. Дойдешь, там и посмотрим, что с тобой сделать.

— Вы меня убьёте?

— Нет, — старик усмехнулся.

Я вышел из зала вместе с ним, и мы оказались в длинном коридоре с несколькими дверьми. Хеля стояла рядом с небольшими чемоданами, и, увидев меня, насупилась.

— Привет, меня Рэн зовут, мне десять лет... — неловко произнес я, больше не найдя слов.

Я не понимал откуда, но знал железобетонно, что мне именно десять.

Проклятие, как же мне стало неловко! Вот если бы не раскрыл рта, то неудобств бы не было. Хеля обиженно отвернулась, решив не представляться, и сохранив своё имя в секрете до лучших времен. Я взглянул на чемоданы, и понял, что не буду помогать Хеле, а буду тащить всё за неё.

Я спохватился, и понял, что оставил свой меч в тренировочном зале. Выбежав, я метнулся к клинку, поднял с пола, и мне показалось, что за дверью мелькнула тень. Крепко сжав меч, я прислонил его к груди, и осторожно заковылял к двери, взглядом пытаясь найти щелку, в которую можно увидеть двор. Сердце защемило, и я стал громко дышать, испытывая лёгкую дрожь. За сегодняшний день я столько раз пугался, что не удивлюсь, если завтра обнаружу на себе седые волосы. Вот почему сразу не вернулся к старику? Дернул же черт удовлетворить своё любопытство!

Найдя щелку, я заглянул в неё, и, увидев двор, чуть не вскрикнул. Старик, прихода которого я не заметил, ладонью зажал мне рот и нос, не давая кричать или дышать. Во дворе было два силуэта, человеческих, зловещих и мистических. Всмотревшись, я понял, что это не люди. Это были существа, будто сотканные из тьмы, и они напоминали тени, которые способны иметь объём, и не зависят от света. Тьма пульсировала в этих силуэтах, и казалось, что она сочится из трещин в их теле, стекая словно грязь. Сердце пропустило пару ударов, и мир стал маленьким, сосредоточившись вокруг двух монстров, поступки которых предсказать было невозможно.

Они стояли, пошатываясь, стоя в каких-то чуждых нормальному человеку позах, и прислушивались. Я не мог наверняка сказать, что они способны видеть, что способны чувствовать вообще что либо, но с чего-то решил, что они именно прислушиваются.

— Сейчас тихонечко, со мной, нога в ногу, отходи назад, — шепнул мне на ухо старик. — Они не видят, и полагаются только на слух.

Моя гипотеза подтвердилась, но как-то это не радовало. Старик стал оттягивать меня, и я послушно шагал за ним, следуя указанию о выдержке темпа. Я гадал, чем могут быть страшны твари снаружи, ведь при них не было ничего, что хоть отдаленно напоминало оружие, но раз старик их боялся, значит, тому явно была причина. Но больше меня волновало то, кто они и откуда взялись?

Воздух снова стал содрогаться от воя сирены. Мы покинули тренировочный зал, и, схватив вещи, поспешили выйти из здания. Дорогу вновь преградил забор покрытый ледяным паром, и от одной мысли, что через него придется идти, мне стало холодно.

Старик встал перед выходом, быстро достал меч, и клинок засиял морозным, синим цветом, втягивая в себя пар. Мне показалось, что я увидел, как у старика в груди светился синий шар. Стало безумно интересно, что это было, и я еле сдержал себя от задавания вопросов. «Может, попроситься к нему в ученики?» — мелькнула у меня мысль.

Вдруг я понял, что знаю о загадочных людях, которые могут управлять стихиями с помощью энергии собственного тела. Раньше их ещё называли магами. От того, что я представлял себя самураем, владеющим магией, на душе становилось спокойно. Я не помнил откуда я, и кто, но стоило мне столкнуться с определенными вещами, как воспоминания тут же дали о себе знать. Это было необычным.

Я почувствовал на затылке чей-то сверлящий взгляд, но оборачиваться не рискнул. Было очень страшно, но я решил, что даже если за моей спиной кто-то есть, то он бы давно напал, если бы хотел.

Когда мы вышли и отошли недалеко, я обернулся. Огонь дотянулся до дома старика, и пламенным прикосновением заставил его вспыхнуть, словно спичку. Теперь дом четко вписался в картину пылающего города, став жертвой огненной стихии, и перестал вызывать у меня чувство безопасного уюта. Похоже, старик обезопасил жилище с помощью магии.

— А куда мы идем? — Спросил я у старика. — И как вас зовут?

В ответ старик приложил к губам палец, а Хеля раздраженно закатила глаза. Она, не смотря на нарастающую неприязнь с её стороны, начинала мне нравиться.

Мы петляли неизвестными мне переулками, и я полностью отдался стихийности события, понимая, что мне всё равно некуда идти.

Вскоре без подсказок стало понятно, куда мы направляемся. Дороги, которыми мы петляли, вывели нас к стене того самого исполинского строения, на фоне которого город казался просто крохотным. Когда я взглянул вперед и назад, то у меня чуть не отвисла челюсть. Стена Купола была необъятной и тянулась за самый горизонт. Я с трудом верил в то, что подобное строение может быть творением человеческих рук, и мне сразу стало видеться в строении что-то инопланетное.

Спустя несколько минут похода вдоль стены, мы увидели, как её идеально ровную поверхность обезобразил провал дверного проема, который показался мне несправедливо маленьким. Около прохода стояло двое в черных кимоно, и у них на плечах были повязки со странными знаками, в виде пасти дракона, из которой вылетает лезвие меча. Их вид заставил меня трепетать от восторга.

— Мечники! — Крикнул старик, обращаясь с ним.

Реагируя, мечники тут же обнажили мечи, и, завидев старика, совсем не планировали убирать оружие, как мне показалось на первый взгляд. Они стояли в боевых стойках, с напряжением глядя на нас. Первого я совсем не разглядел, но массивный подбородок мечника, стоявшего рядом, привлек моё внимание. Его грозное европейское лицо внушало страх и уважение, и я стал его немного побаиваться, хоть и чувствовал, что старик явно сильнее. Европейца я про себя окрестил Европой.

— Кто? Откуда?

— Мы не тени! — Крикнул я, желая как-то повлиять на ход развития событий.

Старик дал мне затрепину такой силы, что у меня на секунду потемнело в глазах, а эхо шлепка отправилось летать в горящие улицы города. Его намёк я понял более чем, и, потирая горящий затылок, решил помолчать.

На лицах мечников застыли усмешки, но с визуального прицела они нас не снимали, решив, что это могло быть отвлекающим маневром. Один из них, не скрывая меча, рискнул подойти к нам поближе. Он нахмурил брови, и наморщил лоб. Старик оружия не обнажал, но был готов в любую секунду это сделать, держа ладонь над рукоятью. Это явно не нравилось мечнику, и заставляло его смотреть на нас с опаской.

— Не надо. — сказал старик. Судя по голосу, он был уверен, что убьет врага, сделай тот лишнее движение.

Разве сейчас не время достать оружие?

Сначала мне захотелось выглядеть угрожающе, и занять позу, которую занял старик, но кое-как я сдержался, испугавшись очередной оплеухи. Звон в голове стоял до сих пор, и желания усилить его не было никакого. У старика хороший удар.

Вскоре Европа подошел достаточно близко, чтобы можно было лучше нас разглядеть, и как только он это сделал, то морщины на его лице сразу разгладились.

— Господин, — обратился к старику Европа с удивившим меня уважением. — Вы из какого района оцепления, и к какому клану относитесь?

— Мастер клана Шести Клинков, Шинода Рю. — Представился он, кивнув.

— Мечник, самурай при клане Яркого света, Редклиф Джонатан, — Европа представился в ответ. Я нахмурился. Мне было непонятно, зачем в такой ситуации обмениваться именами и социальной принадлежностью. Европа спешно спрятал клинок в ножны, сделав успокаивающий жест, который расслабил второго, но меч тот убирал колеблясь.

— Господин, эти с вами? — Европа взглянул на меня и Хелю.

— Девочка, и... — Рю взглянул на меня, будто сомневаясь в том, что стоит брать меня с собой, и тут меня схватил испуг. Было бы полнейшим скотством воспользоваться мной как носильщиком, а затем просто выкинуть, как отработавшую вещь. — Мальчик тоже со мной.

— Тогда идем быстрее, господин, — Европа торопливо развернулся, и направился к яркому зеву в стене Купола. — Эвакуация закончена, и нам пора закрывать вход. Вы успели во время.

Мы вошли, и я осматривался с отвисшей челюстью. Тут лежал точно такой же город, который снаружи, только он не горел и был ухожен. Как только ворота опустились, тяжело коснувшись земли и подняв клубы пыли, вся искусственность города, неба, и сияющего в нем солнца пропала. Я сомневался, что за этой иллюзорной стеной пылает настоящий город, и там лежат горы трупов.

Европа решил проводить нас.

Мы шли по тротуару, проложенному вдоль проезжей части, и мимо нас ехали автомобили, загруженные багажом. Это, наверное, были машины тех, кто только эвакуировался. Любопытно, что суеты вокруг было не так много, как мне представлялось. Эвакуация, всё таки, крики там, паника.

Где всё это?

Вдали я увидел человеческий силуэт. Навстречу нам шёл мужчина, который был в пепельном кимоно. Странник был в конической соломенной шляпе, и нёс на лице белую деревянную маску с прорезями для глаз. На его поясе висела пара мечей, но он, почему-то, не носил повязку на плече. Разве не всем мечникам она нужна? Он приятно меня впечатлил, особенно тем, что выделялся из остальных мечников. Правда Рю, и все наши спутники, скривились при его виде.

Тротуар, по которому мы шли, был довольно тонок. Странник чуть не врезался в Рю, но среагировал, уклонившись и сделав пару шагов в сторону, и когда Рю взглянул на него, человек в маске низко поклонился.

— Простите, — сказал он. Рю кивнул, и мы пошли дальше.

Больше я таких загадочных людей не видел.

Удивлению моему не было предела. Жизнь в городе под Куполом кипела, всюду ходили гражданские, спеша по своим повседневным делам, катались автомобили, не производившие и капли выхлопных газов, а в небе, казалось, даже летают самые настоящие птицы. Воздух тут был чистый, обогащенный кислородом, потому, дышать было в удовольствие, хотя деревьев в округе я не наблюдал. Вдали я увидел тучи, от которых тянулись серые нити дождя, ошупывающие землю.

Потрясающая подделка! Теперь я был больше чем уверен, что это сделал не человек, а инопланетяне.

— Ваше поместье, вроде бы, уже готово к заселению, господин, — отрапортовал Европа.

— Да? — Рю изогнул седую бровь. — Клан Яркого света этим лично занимается?

— Нет, господин, — ответил Европа. — Проходил мимо недавно. Видел только немного вещей снаружи, но не крупную мебель.

— Ясно, — сказал Рю. — Ну, посмотрим.

Вскоре мы дошли до точно такого же дома, который я нашел снаружи, в горящем городе, и поразился точности его копии. Каждый камушек, каждая доска, и даже повреждения на них были точно такими же, какими я видел, прежде чем вошел. Снаружи валялись мелкие вещи, тренировочные снаряды, и серые мешки, похожие на ежей с огромными иглами. Мы подошли к дверям в дом, и Рю вдруг остановился, вопросительно на меня взглянув.

— Есть куда идти? — спросил он.

Я покачал головой, боясь посмотреть в глаза Рю. Мне было стыдно ему в этом признаться, и тем более, было стыдно просить у него жилья и покровительства, что как раз сейчас было мне очень нужно. Меня обрадовало то, что он сам задал этот вопрос, и в душе зажегся огонёк надежды. Я ведь мог быть ему полезным.

— Будешь помогать Хеле по дому, и будешь помогать мне, в качестве платы за жилье. Первое время буду кормить, потом ты начнешь обеспечивать себя сам, согласен? И ещё, Хелю не смей задирать. Она моя внучка.

И не подумал бы! Мне, конечно, захотелось уточнить, до каких пор я буду обеспечиваться едой, но решил, что это будет не уместным. Стало страшно, что лишние вопросы заставят старика передумать, ведь даже предоставление крова в обмен на домашнюю работу — щедрость неслыханная. Сердце затрепетало от счастья, и я решил оставить местно для одного единственного вопроса, который волновал меня, наверное, немного больше, чем вопрос жилья.

Я кивнул, и Рю собрался идти в дом. Но я всё никак не осмеливался спросить, возьмет ли он меня к себе в ученики. Единственное, на что у меня хватило духу, так это на то, что бы смущенно остановить его за рукав кимоно. Решив, что выгляжу глупо, я отпустил рукав, и стал вопросительно смотреть на меч Рю. Непонимающе глядя то на меня, то на свой меч, он вскоре понял, чего мне хочется.

— Почему не спросишь прямо? — добродушно спросил Рю, и его тон меня расслабил.

— Ну, вдруг вам не понравится, и вы откажете, если я лишний раз спрошу, — неуверенно выдавил я.

— Урок первый, — наставительно начал Рю, и я развесил уши, как пекинес, застыв от восторга. Неужели он решил взять меня в ученики?! — Не решай за людей. Если хочешь что-то узнать, то спроси. В худшем случае тебе откажут, и в этом нет ничего страшного.

Я послушно кивнул, и решился спросить, пользуясь полученным уроком.

— Так вы возьмёте меня в ученики?

— Да, — ответил Рю. — Одежду я тебе, конечно, куплю, но кимоно добудешь себе сам. Заниматься в своём тряпье ты не будешь точно. Не в зале и не в присутствии других учеников, по крайней мере.

Я радостно кивнул, и без слов поняв, что мне нужно делать, схватил мешки во дворе, положив к ним найденный меч, который я уже смело мог называть своим.

Мы вошли в дом, первым делом посетив тренировочный зал.

Мешки были тяжёлыми. В них оказались деревянные тренировочные клинки, которые мы с Рю развесили на стенах зала после короткого отдыха. Конечно, всем хотелось передохнуть, но развесить мечи было невеликим делом, и сил на это, к счастью, хватило. Я устал, и не слабо проголодался, но понимал, что если сегодня не развесить клинки, то Рю скажет сделать это завтра. Если можешь сделать что-то сейчас, сделай сейчас.

Терпеть оставалось недолго. Буду помогать Рю и Хеле, буду тренироваться, и стану самураем. Заживу, как люди, буду жалованье получать, орудовать мечом, и наслаждаться жизнью. К прошлому у меня пропал всякий интерес, ведь если я его забыл, то, наверное, это к лучшему. Рю, его дом, его клан и его школа — возможность начать новую жизнь, которую я не намерен упускать.

Рю ушел в город, и обещал вернуться вечером. Когда день подошел к концу, я вымылся, как следует, и обустроился в одной комнате с Хелей, куда заселил меня Рю. Для меня это было высшим признаком доверия, ведь Рю доверил мне свою внучку. Я глядел на Хелю так, будто она была вверенной мне драгоценностью, которую надо охранять ценой жизни. Почувствовав на себе мой взгляд, Хеля спросила сердито:

— Чего уставился? Вот кажу деду, и он тебя в чулане поселит.

Я тут же смущенно отвернулся. Наверное, она была права, и мне не стоило на неё так смотреть, хотя было тяжело перед этим устоять. Она была очень красивой, и будто магнитом притягивала к себе мой взгляд. Интересно, какой же она будет, когда вырастет? И каким буду я? «Наверняка мы поженимся, когда вырастем!» — самоуверенно решил я.

Рю вернулся, и принес мне комплект домашней и уличной одежды, сказав, что отработаю. Спорить я не стал. Хотя я и не хотел менять одежду, и мне было достаточно своего стираного тряпья, я понял, что Рю этого не потерпит. В его доме всё имело уютный, чистый и изящный вид, в который моя одежда ну просто не вписывалась. Пришлось послушно принять купленное, и обещать, что отработаю, впрочем, как отработаю и всё остальное.

— Учитель Рю, — обратился я к нему почтительно, что заставило Хелю усмехнуться. Я беспокоился о том, что за всё, вроде как, отдавал. За жильё — домашней работой, за еду — деньгами буду, а за тренировки чем? — А за тренировки как платить придется?

— Старайся больше всех, — сказал Рю. — Будешь филонить, не буду учить.

Я кивнул. Как только Рю вышел, щелкнул выключатель, и свет во всём доме погас. Стараться больше всех — это запросто. Чего сложного в том, что бы тренироваться маханию мечом? Во мне была уверенность, что проще этого занятия нет ничего, и я смогу превзойти всех учеников Рю. Кстати, интересно, сколько учеников в этой школе?

Как только я представил учеников клана Шести Клинков, мне стало не по себе, а бушевавшая минуту назад уверенность куда-то пропала. Да они же меня в порошок сотрут! В голове возникало столько вопросов и опасений, что я всё никак не мог уснуть, ворочаясь с бока на бок.

— Рэн, ну хватит шуршать! — возмутилась Хеля, и я застыл.

Через несколько минут мне как-то удалось очистить свои мысли, что помогло начать погружение в тягучий и глубокий сон. Напоследок я, всё же, спросил себя: кто я? И кем буду?

— Трупом, если не замолчишь! — крикнула Хеля, явно не выговаривая букву «Р».

Вздвогнув, я испытал жгучий стыд, и понял, что вопросы были заданы вслух. Ладно, Хеля была права, что-то я расшумелся. Засыпая, я усмехнулся над тем, что Хеля картавит и решил, что это ужасно мило.

Спустя неделю я полностью освоился в доме Шести Клинков. Конечно тут никто не жил, кроме меня, Хели и Рю, но на занятия сюда приходили почти каждый день, кроме выходных. Учеников было примерно человек двадцать, и вначале я удивился, почему их так мало. Лишь потом мне стало ясно, что большинство обучавшихся просто отсеялось в процессе тренировок.

Кимоно я себе кое-как добыл, поработав несколько дней у маляра в помощниках, и впервые осознал, насколько тяжело на кого-то работать. Удалось отложить кое-какие деньги. Делать нужно много, платят гроши, и времени свободного почти нет. Меня удивляло, как маляр это терпит, и, разумеется, спросил его об этом. Он сказал: «Я не вышел телом и данными, что бы быть мечником, а по-другому хорошо жить невозможно. Вот приходится работать, зарабатывать на еду крася стены и заборы».

В тот же день я заинтересовался мечниками, но решил отложить вопрос их изучения на потом, ведь мне предстояла первая тренировка, которой были заняты мои мысли. Кимоно я себе взял самое дешевое, подумав, что главное в нём — соответствующий цвет. Черный цвет.

Денег едва хватило. После покупки кимоно сбережений у меня осталось так мало, что не набралось бы даже на рисовый шарик. Но это не пугало меня, потому что к тренировкам, — пока Рю давал еду даром, — у меня было больше интереса.

Волнение не оставляло меня ни на минуту. Я представлял, как познакомлюсь с ребятами, представлял, какая крепкая дружба нас будет связывать, и как мы вместе будем тренироваться всю жизнь. От таких фантазий во мне прибавлялось энтузиазма, и я хотел попасть в новую компанию как можно быстрее. Неуверенность, конечно, во мне тоже была. Я совсем не знал, водил ли раньше с кем-то дружбу, и сумею ли сделать это сейчас.

Я вернулся домой, и, миновав прихожую, помчался в тренировочную комнату. Тренировка должна была начаться с минуты на минуту, а опаздывать мне очень не хотелось. За любую оплошность, в том иле и опоздания, можно было получить от Рю по шее.

В зале стоял приглушенный гул детских голосов. Я открыл дверь, и с улыбкой шагнул внутрь. Ребята расселись на соломенных коврах, — Рю ещё называл их причудливым названием татами, — и, формируя собой линию, из одного конца зала в другой, ждали прихода Рю. Рядом с каждым парнишкой в зале притаился деревянный клинок. Ребята что-то оживленно обсуждали, смеялись, веселились, и атмосфера была очень даже дружелюбная. Все были одеты почти как я, разве что только их одежды были сделаны из более качественного материала. Ребята, что постарше, уже имели право носить настоящий меч, и имели на кимоно отличительные признаки клана Шести Клинков в виде цветка из мечей. Они всегда были спокойными, стараясь лишний раз не болтать, и выглядели очень задумчиво. Их было меньшинство, а сидели они в начале строя.

Своим появлением я нарушил идиллию, и она тут же словно распалась на десятки неприязненных взглядов ребят, направленных на меня. В зале повисла тишина. Моё

приподнятое настроение как ветром сдуло, и я, от чего-то, почувствовал себя очень напуганным и виноватым. Ребята напряглись наверняка потому, что ждали Рю немного позже, и, услышав меня, испугались не меньше, чем я. Рю не любил галдежа и пустых разговоров, по поводу которых у него даже было строгое правило — болтать за пределами зала. Нарушение этого правила каралось часом стояния на кулаках после тренировки.

Я думал, что как только ребята меня разглядят, напряжение пропадет, но, похоже, ошибся. «Ладно, — думал я. — Они просто ещё не знают меня, а их напряжение я себе придумал». Сняв со стены деревянный клинок, я заметил себе место с краю, около стены перед входом.

Подойдя к намеченному месту, я понял, что точно там не помещусь. Парень, что замыкал строй, поймал на себе мой вопросительный взгляд, но двигаться не стал. Он смотрел на меня, то ли со злобой, то ли с презрением, а может, и с тем, и с другим.

— Уступишь? — выдавил я, постаравшись выдержать дружелюбный тон. Парень, заметив подделку, лишь недовольно фыркнул и отвернулся.

— Тебе не место в наших рядах, — сердито сказал кто-то, и у меня в груди защемило.

Все мечты сколотить крепкую дружбу с товарищами по залу рухнули, а надежды вспыхнули, будто порох, и сторели. На неприятные слова я реагировать не стал, и сел спиной к стене, видя перед собой весь строй. Мне перехотелось быть его частью, и в голове мелькнула мысль попросить Рю об индивидуальных тренировках.

Я даже не понял причин того, почему на меня сердятся, но выяснять этого не стал. У меня было ощущение, что я сижу на пороховой бочке, а фитилек, присоединенный к ней, вот-вот догорит. Взглядов от меня не отводили, будто бы хотели заставить чувствовать себя неловко, и это мне очень не нравилось. Чем я не устроил их?

— Безродный, — фыркнул кто-то, и это уже было обидно. Я совершенно ничего не знал о своём роде, и не понимал, хорош мой род или плох, да и разве это было важно? Разве имеет значение не только то, как ты лично относишься к другим людям, не смотря на родовые линии?

Вдруг мои ощущения резко изменились. Я почувствовал колоссальное давление со стороны окружающих, и было такое ощущение, что они ждали от меня какого-то поступка или реакции. Как я мог поступить в такой ситуации? Почему-то мне показалось, что отсутствие реакции с моей стороны будет для меня позорным делом, но с другой стороны отвечать казалось мне глупым, ведь именно этого они и хотели. «Была не была» — подумал я, и, представив картину предстоящего, задрожал от страха.

Я встал, вытянувшись во весь рост, и вышел перед строем, коротко глядя всем в глаза. Меня то и дело тянуло отвести взгляд в сторону. Трудно было, но какая-то сила помогала мне выносить моральное давление.

— Кто это сказал? — спросил я, скрывая дрожь в голосе. Вот дернул же меня черт! Остался бы сидеть на месте, сейчас не пришлось бы получать по ушам, ведь обидчик явно не потерпит такой неслыханной дерзости со стороны своей жертвы.

— Ну, я сказал, — отозвался мальчишка, выбритый на голо. На его лице был шрам, извивающийся над бровью. Он держал ладони на коленях, и явно был готов в любой момент схватить бокен, лежавший рядом с ним. — И что?

Настроение толпы тут же изменилось, и теперь они замерли в предвкушении, наблюдая за нами. Деревянный меч был хорошо сбалансирован, и я понимал, что им можно убить. Потому, на всякий случай, наметил целью плечо. В худшем случае — сломаю парню кость, в

лучшем — оставлю синяк. Меня схватила мелкая дрожь, но я понимал, что раз встал, и тем более, проявил наглость найти обидчика — надо бить. Иначе — не видать мне покоя. Я чувствовал это инстинктивно, и понимал, что за себя надо постоять.

Я угрожающе дернул клинком, желая нанести удар, но замахнуться так и не смог. Впрочем, я бы и не успел, потому что в следующую секунду мой триумф был прерван.

Ловким движением обидчик подобрал бокен, и нанес мне резкий удар по животу. Из-за вспышки боли я упал, согнувшись в бараний рог, и простонал. Боль в кишках возникла дикая. Я мысленно обрадовался, что удар не пришелся на ребра, ведь под таким давлением парочка костей точно бы лопнула. Меня поразила скорость его реакции, ведь я даже не успел пискнуть, прежде чем получил в живот. Мне показалось, что обидчик ударил, реагируя на незначительное движение моей ладони

— Безродный, трусливый, и не знающий чести, — презрительно подытожил обидчик. — Хотел ударить исподтишка. Запомни моё лицо, а лучше — затылок. Ведь ты будешь всегда плестись у таких, как я, в хвосте.

Все захохотали.

Лично я не нашел в этом ничего забавного, мне стало до жути обидно, и на глаза наворачивались слезы. Я зажмурил глаза, стараясь хоть как-то скрыться от этого мира, и не видеть презрительного взгляда победителя.

Рю появился неожиданно. Я услышал знакомый шлепок ладони о затылок, писк обидчика, и крик Рю:

— Всем замолчать! А ты, живо на свое место! — угрожающе кричал Рю. — Ты! — обратился он ко мне. — Встать! Разлегся, как тюфяк!

Итомэ сел. Я открыл заплаканные глаза, рассчитывая на смешки, но ребята сидели, потупив испуганные взгляды и похоже, боялись даже вздохнуть. Встав, я потупил взгляд так же, как и остальные. Нет, мне было не страшно получить за конфликт, мне было стыдно.

— Это — Рэн, и теперь, он такая же часть рода Шинода, как и любой из вас! Он — часть семьи! Ты говоришь о чести?! — Рю разошелся не на шутку, указывая пальцем на обидчика, и страшно стало даже мне. — Каким кодексом предписано то, что нужно подвергать гонениям членов своей же семьи без причины? А!? Расскажи мне, Итомэ!

Конечно, я не был частью рода, конечно я не был частью семьи, но спорить никто не осмелился. В глазах Итомэ виднелось возражение, но как только он встретился с Рю взглядами, оно погасло.

— Простите, мастер, — просипел Рю, опустив голову.

— В следующий раз выбери себе противника по уровню навыков, или сильнее. Иначе, какой из тебя воин?

— Никакой, — покорно согласился Итомэ. — Мне стыдно, мастер.

Я, шмыгнув носом, сел спиной к стене. Не смотря на то, что в строю теперь было место, я перестал гореть желанием становится частью коллектива. Интересно, как Рю определил, что меня подвергают гонениям? Ведь его тут не было, когда разгорался конфликт. Видимо, он хорошо чувствовал настроение ребят в определенных ситуациях, и ощущал, когда они вели себя злобно.

Стыдно мне было до самого конца тренировки. Мы отработывали базовые движения, и первые попытки овладеть начальными навыками давались мне не очень легко, то ли потому что я оказался бездарным, то ли потому, что я находился под эмоциональным давлением. Когда тренировка подошла к концу, ребята совершили завершающие обряды, и разошлись.

Мы с Рю остались наедине.

— Рэн, — сказал Рю, подозвав меня жестом. — Ты уходишь? На работу?

— Нет, господин Рю, — сказал я ему, вспомнив, как к нему обращался Европа.

— Я хотел предупредить тебя, Рэн, и рассказать кое-что, — Рю говорил искренне, без упрека. Мы сели на соломенные ковры друг против друга. У меня непривычно начали болеть колени и ступни. — Ты точно уверен, что хочешь учиться?

Я кивнул. Судя по лицу, Рю сделал для себя какой-то вывод, и он был явно положительным. Мне вдруг показалось, что утренние нападки были своего рода проверкой моего характера, и я её прошел. Но зачем тогда Рю накричал на своих учеников?

— Тогда знай, почему ребята так поступили. Видишь ли, право овладеть стилем Шести Клинков имеет далеко не каждый. Это древнее искусство, которое включает в себя шесть наиболее эффективных стилей фехтования, и тренировочный процесс построен так, что ты можешь полноценно овладеть каждым из них, научившись правильно их совмещать. Выходцы нашего клана — сильнейшие и самые востребованные мечники из всех, и некоторые из них даже входят в ряды даймё.

— Что такое даймё? — с интересом спросил я.

— Элита среди самураев, — сказал Рю, погладив усы. — И как ты понимаешь, много кто хотел бы воспользоваться нашим стилем, что бы пробить себе дорогу в жизнь.

— А что в этом плохого?

— Ничего. Нет ничего дурного в проявлении амбиций и целеустремленности, но люди бывают злыми, и алчными. Как раз поэтому в рядах моей школы есть система строжайшего отбора, и я тебе скажу, что даже не все из моих родственников были допущены до тренировок.

— А почему только родственники?

— Их души после рождения чисты. Я уверен в этом. Родители воспитывают их так, как положено в роду Шинода, и потому, они приходят ко мне, имея лишь благие намерения.

— Почему тогда взяли меня?

— В тебе есть сильная воля, а это признак человека, который может напрямую контролировать чакры. Но дело не только в этом. В твоих глазах я не увидел почти ничего. Ты чист, и можешь воспитать себя таким, каким хочешь. Кто были твои родители?

— Ну, — мне стало немного грустно, но я взял себя в руки. Зачем грустить из-за того, что не помнишь? — Я не помню их. Я вообще ничего не помню.

— Х-м-м, — протянул Рю. — Тогда я точно был прав.

— В чём?

— В том, что ты чист душой. Буквально. Правда какие-то знания в тебе всё же есть.

— С чего вы взяли?

— Ты держишь меч за рукоять, а не за лезвие, потому что знаешь — взяв меч за лезвие — порежешься.

Я не мог с этим не согласиться. Я не помнил прошлого, но всё же, мой мозг уже был чем-то наполнен. Знаниями о тех же самураях, например, пусть и прерывистыми. Я только знал, что самурай воюет с мечом, и что ему за это платят. Больше я, наверное, не слышал о них ничего.

— Вот о чём я хотел предупредить тебя, Рэн, — Рю резко сменил тему разговора. — Тебе будет в несколько раз тяжелее осваивать искусство Шести Клинков, чем остальным.

— Почему? — спросил я. На душе стало как-то паршиво. Возникло ощущение того, что я

в этом доме лишней.

— Потому что ребятам досталась эта возможность по праву, принадлежащему нашему роду, а ты попал сюда просто так, понравившись мне. Это подвергает сомнению их избранность, и делает тебя нежеланным гостем для них. Я, конечно, буду тебе помогать, но хочу предупредить, что не всегда буду рядом. Эти словесные нападки могут не раз повториться. Причем независимо от того, как ты поставишь себя перед коллективом. Они пока молоды, и не совсем ведают, что творят. Готов ли ты тренироваться, неся на плечах такой груз?

Готов ли я? Это было хорошим вопросом. Можно ли сразу попасть к самураям, что бы там, на месте, обучали и подготавливали? Рю я не хотел спрашивать, такой вопрос мог обидеть, а я не хотел его обид. Скорее всего, сделать так было нельзя, и прежде чем кого-то решают принять в самураи, наверняка проверяют способности. А что я умел? Ничего.

Я, конечно, мог выбрать школу проще, не такую эффективную и менее жестокую, где ко мне будут нормально относиться, но что мне это даст? Наверняка — возможность стать самураем, что и есть моя цель. Самураем мог стать ученик любой школы фехтования. Это было логичным для меня, потому что в противном случае вряд ли бы школы существовали. Я был в этом уверен, потому что насиловать себя было бессмысленным. «Значит, надо отсюда уходить», — решил я.

Я хотел ответить ему «нет», и уже даже раскрыл рот, что бы это сделать, но вдруг проглотил слова. Рю, заметив моё замешательство, вскинул брови и одарил меня вопросительным взглядом. Какая-то неведомая сила вмешалась в логику моих заключений, и, перевернув её с ног на голову, стала переубеждать меня, что бы заставить остаться. Если уйду, как к этому отнесется Рю? Он ведь в каком-то смысле спас меня, дал пропуск под этот чудный Купол, взял к себе домой и даже позволил воспользоваться привилегией, которую не каждый родственник может получить. «Но разве меня сдерживает чувство долга? — думал я. — И разве Рю считает меня должником? Вряд ли, ведь я честно отработываю кров, и скоро буду отработывать еду». Логика говорила, что в должники меня никто не записал, но всё равно чувство долга тяжким грузом висело на душе, не позволяя развернуться и уйти.

— Да, я готов, — сказал я, скрывая страх и преклонив голову. Рю этому даже немного обрадовался, ведь он явно ждал отрицательного ответа.

Принятое решение, на мой взгляд, было немного безрассудным, но упустить возможность обучаться в самой закрытой школе фехтования, было бы более глупым поступком. Гонения со стороны сверстников — не конец света, и они не должны мешать развиваться. Впрочем, был способ прекратить и гонения, пусть даже не имея уважения со стороны одногодок. Для этого нужно было стать сильнее, чем они, что я и решил сделать. Смущало лишь то, что они занимаются наверняка дольше, чем я, лет так на шесть дольше. «Ну, ничего, — успокаивал я себя. — Мне кажется, не нужно быть никаким избранным, что бы чего-то достичь». Мне вдруг вспомнилась плата, которую требовал Рю за тренировки: «Старайся больше остальных».

И я решил стараться.

Разговор с Рю был закончен. Я встал, но вместо того, что бы направиться к выходу, взял меч, и встал в стойку, продолжив отработывать удар, который мы сегодня изучали.

— Иди отдыхать, — сказал Рю. — Ты переутомишься, и завтра тренироваться не сможешь.

— Как смочь? — спросил я, не переставая махать мечом. — Я планирую заниматься

больше остальных.

Покосившись на Рю, я заметил на его лице умственное усилие. В его уме явно происходили какие-то вычисления. После короткой паузы он сказал:

— Я подготовлю ванну со льдом. Подойти, покажу пару заминочных упражнений, которые помогут сохранить эффективность и ослабить боль.

От фразы «ванна со льдом» меня пробрала дрожь, но раз это нужно, что бы тренироваться дольше, то я был к этому готов. К моему удивлению, Рю не уходил из зала до самого конца моих занятий, и контролировал правильность выполнения техники, которую я отработывал. Это мне очень льстило, и я не понимал, почему другие ученики не хотят брать дополнительных занятий. Похоже, для Рю было радостью давать дополнительные уроки.

После ледяной ванны я начал задумываться о том, насколько паршиво живется Антарктическим животным, и радовался, что я не какой-нибудь белый медведь. Я пошел в комнату. Мышцы ныли от напряжения, и я передвигался с трудом. Проходя мимо зеркала, я заметил, что хожу как пингвин.

В комнате тускло горела потолочная лампа.

Хеля занималась уборкой, и поглядывала на меня, посмеиваясь. К её насмешкам я уже привык, и совсем не обижался. Вдруг она подошла ко мне, положила руки на мои плечи, и сказала на ухо:

— У тебя получится... — она выглядела очень смущенно, да и я залился краской, влюблено на неё глядя. Она отстранилась. Мне хотелось отдать ей всё, что у меня было, и всё, что я только мог добыть. Вскоре после встречи с Хелей я поймал себя на мысли, что влюбился.

— Чего вылупился? — беззлобно, пытаюсь выглядеть сердитой, сказала она. Я отвел взгляд.

Наверное, неприлично так на неё глазеть. Неприлично.

Вечер. Я глядел в окно, наблюдая за звездным небом, и слушал, как поют сверчки. Очередная тяжелая тренировка вновь вытянула из меня все силы, но на прогулку пороха ещё осталось. Накинув обычную одежду, я решил немного побродить по городу. Кроме как по одному маршруту, ведущему с дома до работы, я не ходил, и это немного надоело. Ещё мне было интересно, как люди Купола проводят время. Наверное, так же, как и там, снаружи, за стенами.

Хеля закрыла за мной дверь, и я остался стоять на пороге перед дорожкой, ведущей за забор на улицы города. Город был необычайно красивым, и мерцал вечерними огнями, заманивая меня в свои бетонные лабиринты. Внутри одновременно бушевали страх и восторг. С одной стороны, очень хотелось посмотреть на город, и узнать его получше, но с другой стороны, мне ещё никогда не приходилось уходить одному туда, куда мне хочется, а не куда надо. Это порождало страх перед неизвестным. «Мечей бояться — воином не быть», — подумал я, и смело шагнул вперед.

Город встретил меня тусклыми огоньками улиц, которые мерцали в фонарных столбах и малоэтажных зданиях. По пути мне редко попадались мечники, одетые в черные кимоно с символов мечников на спине. Всё-таки дракон, изрыгающий клинок, выглядел одновременно странно и угрожающе.

Вдалеке я заметил витрину, которая переливалась яркими цветами. Так же оттуда исходил шум. Не сдержав любопытство, я зашагал по улице по направлению к этому зданию, и заметил на углу вывеску с надписью «Игровые автоматы Пита».

Я осторожно выглянул из-за угла в витрину, и дрогнул, увидев там ребят из своего зала. Окружив аркадный игровой автомат, ребята столпились вокруг Итомэ, который выделял на экране что-то невообразимое. Мне тоже вдруг стало любопытно, что он там делает, но зайти я не решился. Они были одеты в кимоно, кичась своей принадлежностью к школе фехтования, что действительно производило впечатление на других детей, заставляя их держаться от фехтовальщиков подальше. Помимо боя с мечом мы ещё и изучали схватку без оружия, и следы её изучения болели по всему моему телу. В спаррингах мои оппоненты работали надо мной с двойным усердием.

Так вот чем они занимались после тренировок. Их тренировка кончилась несколько часов назад, намного раньше, чем моя, и мне стало интересно, сколько они уже находятся тут. «Наверняка сразу после тренировки пошли, — с завистью подумал я. — Вот бы и мне так».

Зависть во мне была сильной. Пока я обливался потом в зале, махая мечом и отрабатывая техники — они развлекались, если сладости и мороженное. Правда, тайком от Рю, который держал нас на диете. Диета была не голодная, она была невкусная, и я единственный мог выдерживать её соблюдение. Я грезил тем, что как только добьюсь своей цели, тут же сокращу время тренировок вдвое, чтобы была возможность веселиться и вкусно есть. Правда до цели этой, как задним ходом до Луны, достичь которой поможет лишь сложная программа, которую составил для меня мастер. Суть моей программы состояла в том, что мне было нужно догнать и превзойти своих товарищей по фехтованию лет за десять, а для этого, чисто с математической точки зрения, нужно заниматься в два раза больше, чем они. Таким образом, за шесть лет, я достигну уровня, который они достигли за двенадцать

лет тренировок. А потом уж я, год за годом, начну их превосходить. Мысли о маячившем в воображении светлом будущем, наполненным моим превосходством и уверенностью в собственных силах, вызвали у меня улыбку.

Вдруг земля колыхнулась под ногами, а в небе раздался гулкий звук, напомнивший шум удара о морское дно чего-то огромного. Ребята тоже оторвались от игры, услышав и почувствовав то же самое, но затем, вернулись к автоматам, как ни в чём не бывало.

Я взглянул в небо, увидев, как небосвод расчертила крохотная, едва различимая черная трещина. От удивления у меня отвисла челюсть, и я испугался, что толстая скорлупа Купола рухнет, завалив нас обломками. Около концов трещины появились яркие огоньки, которые двигаясь, оставляли за собой новый фрагмент неба. Вскоре трещина совсем пропала, но внутри меня, почему-то, возник непонятный страх. Чего я боюсь, если трещины уже нет? Лишь опустив глаза, я понял, в чём дело.

Передо мной, за стеклом, было хмурое лицо Итомэ, который гневно на меня смотрел, и уже тянул руку к ручке двери. Тут же в кровь хлынул адреналин, сердце бешено застучало, и колени подкосились. Если бы он хотел просто забурить меня жутким взглядом, то справился бы с этим дистанционно. Мне стало ясно, что одними томными переглядываниями дело не обойдется, потому нужно было либо драться, либо бежать. Драться я уже пробовал, не получилось, хотелось попробовать ещё раз, но не с таким количеством врагов. К Итомэ подходили остальные. Значит — бежать.

Я нырнул в ближайший переулок, слыша за своей спиной топот множества ног. Мчаться по переулкам мне мешали камни, о которые я периодически спотыкался, но мне удавалось сохранять темп. Меня бросило в холодный пот, страх быть побитым придавал мне скорости, и я несся так, что был уверен в своей недосыгаемости. Но враг оказался хитрее.

Пятку пронзила острая боль, в следующий миг я почувствовал, что совсем не могу наступать на ступню и пришлось замедлиться. Обернувшись, я увидел отлетевший в сторону камень, и десяток бегущих за мной ребят, находившихся от меня на маленьком расстоянии. Как им удалось меня так быстро догнать? Насколько сильно надо хотеть зла человеку, что бы гнаться за ним как лев за зеброй? Но, в отличии от льва, ребятами двигал не голод.

Ими двигала жажда расправы над тем, кто подвергает сомнению их избранность и уникальность. Они просто хотели меня выжить, по каким-то там своим, известным только им, соображениям. Они хотели издеваться надо мной, потому что я не такой, как они, и потому, что я слабее. Расправа и самоутверждение.

Я не сделал ничего такого, что бы они меня так возненавидели, и даже хотел быть с ними дружелюбным. Вопрос — почему тогда я не относился к ним предвзято? Не видел их как элиту, которая угнетает бедных и слабых? Ведь как правило дети из рода Шинода — дети богатых родителей. Видимо, что-то в моей голове было набекрень, и это вполне меня устраивало. Лучше быть белой вороной, чем ободраным бараном.

Расстояние между нами сократилось моментально.

Подсечка. Полет. Земля. Вспышка перед глазами. Боль в лице. Кровь из носа.

Мне даже не дали шанса прийти в себя после падения, и тут же начали избивать ногами с такой силой, будто я не человек, а мешок картошки. Тупая боль покрывала всё тело, заставив меня сжаться в комок и заплакать. Но даже слезы и явные признаки поражения их не остановили, они продолжали бить.

За что? За что, ребята?

Вдруг они прекратили наказание, но я не расслаблялся, в ожидании следующих ударов.

Главное в таком положении защитить внутренние органы и голову, чтобы не проломили череп. Для этого я закрыл голову руками и поджал колени под себя, делая из конечностей естественный щит.

— Бежим! — крикнул кто-то.

— А как же?

— Да брось ты его! Бежим!

Ребята помчались прочь, словно ураган, громко топча и явно не жалея сил. Как только в переулке повисла тишина, я услышал чьё-то болезненное, сопящее дыхание. Я поднял глаза. Всё ещё текли слезы, и взгляд никак не мог проясниться, не позволяя мне разглядеть застывший передо мной силуэт. Он был черным.

Зажмурившись, я протер глаза. Подняв веки, я оказался в ступоре, не в силах даже вскрикнуть. Передо мной стоял человеческий силуэт, сшитый из черных нитей, и из щелей в его теле сочилась тьма. Дыхание перехватило, сердце ухнуло в груди, и я похолодел.

Я продолжал лежать.

Мне не удавалось понять, что это за тварь, и что она сейчас со мной сделает, но мне было так страшно, как ещё никогда прежде. Все эти ребята, избивавшие меня минуту назад, и близко не вызывали у меня ужас, который я испытывал сейчас. Тень стояла, и глядела на меня незримыми глазами, изредка дергаясь, будто всё её тело охватывала сильная судорога. Я видел перед собой слово «зло» воплоти, и назвать это иначе не поворачивался язык.

Что делать?

Тень шевельнулась. Я дрогнул, но встать и побежать не смог. Может она решила, что я мертв? Проклятие, у меня ведь даже не было с собой меча, или хоть чего-то, чем я мог себя защитить. Собрав волю в кулак, я стал медленно тянуться за ближайшим камнем. Камень — смертоносное оружие в правильных руках. Если метко и с нужной силой запустить его в голову, то вполне можно убить или вывести из строя. Убивать тень мне не хотелось, хотелось хотя бы отвлечь, но чем дольше я на неё смотрел, тем сильнее были мои сомнения. Сможет ли камень хотя бы поцарапать её?

Я снова услышал топот, и обрадовался, что ребята вернулись, что бы мне помочь.

— Парня долой! Откинь его подальше! — раздался мужской, и до боли знакомый голос. Откинь?!

Вдруг я почувствовал, как кто-то вцепился мне в ступню, и я резко откатился назад, отдаляясь от тени, которая стояла всё так же невозмутимо. Вперед выбежали двое мечников, один из которых был Европой, и знали бы вы, как я обрадовался, увидев его. Его компаньоном была женщина, и это поразило меня, ведь в моём понимании мечниками были только мужчины. Получается, мечником могла стать даже женщина. Они обнажили мечи, и тень тут же изменила своё поведение, распустив ладони. Из черных пальцев поползли длинные отростки, напоминающие иглы, и они были такими длинными, что доставали до земли. Я затаил дыхание.

Тень злобно завывала, и её вой показался мне жутким, мертвецким. Мечница скакнула к тени, занеся клинок над головой, но тень тут же отреагировала, мастерски рубанув нападавшую по животу, и в миг оказавшись за её спиной. На стену брызнула кровь, и под ногами мечницы быстро образовалась небольшая кровавая лужица.

— Кира! — Стиснув зубы крикнул Европа, и, сделав широкий шаг махнул клинком. Сначала я удивился, что он бьёт по воздуху, находясь далеко от врага, но потом заметил небольшой светящийся круг в его лбу. Взмахом меча мечник направил ослепительный

световой веер в сторону тени, и, достигнув цели, веер рассек неприятеля надвое, оставив в стене черный след. Две половинки тени повалились в разные стороны, и из них, вместо крови, фонтанами хлынула черная вода, окропив Европу и Киру.

Европа тяжело дышал, заставив меня гадать, что его так утомило. Видимо, создание световой волны требовало много сил. С восторгом я осознал, что Европа — самый настоящий маг. Остальные мечники тоже маги?

Вид Киры, беспомощно облокотившейся на стену, вызвал у меня жалость.

— Пацан, живой? — спросил меня Европа, не отрывая глаз от Киры.

— Д-да, — ответил я, встав, но, не осмеливаясь отряхивать с себя пыль. Пылевое облако, поднятое мной, могло занести смертельную инфекцию в рану Киры. Пусть такая мысль была глупой, но я всё равно боялся нанести своему спасителю вред.

— Джон, я всё, — кашлянула Кира, прислонившись к стене, и начав по ней сползать. — Он мне кишки порезал, я всё.

— Домой сам пойдешь, — быстро отрезал Европа, и, подбежав к Кире, взял её под локоть. — Кира, домой, быстрее!

— Я не... — Кира закашлялась.

— Мне не успеть, Кира, постарайся!

Я увидел, как у Киры на спине, где-то на уровне сердца, вспыхнул зеленый круг. В следующий миг Европу и Киру окутали пылевые вихри, сделав их силуэты неразборчивыми, и они, став быстрым и невесомым облаком пара, умчались прочь.

Оставшись в переулке один, я столкнулся с пугающей, тяжелой тишиной. Стены были забрызганы черной водой и кровью. Я почувствовал, как к горлу подступает рвотный ком. Кое-как сдержавшись, я отвернулся, и сделал глубокий вдох, переводя дух. Если бы не мечники, меня бы точно убили, бесспорно. Ударом, нанесенным Кире тенью, меня бы вообще разрубило на пять кусочков.

Всё позади.

Из-за угла выбежал Рю, рядом с ним бежал один из ребят. Вместо того, что бы обрадоваться, я испытал интерес к тому, бил ли он меня ногами вместе с остальными. Парнишка был невзрачным, выделяясь только тем, что носил растрепанные длинные волосы.

— Вот! Вот учитель Рю! Тут! — кричал он.

Рю подбежал ко мне, и с испугом посмотрел на меня, сев передо мной на одно колено, и положив руки на мои плечи. Понаблюдав за мной пару секунд, Рю сказал:

— У него шок. Рэн! Ты цел? — спросил Рю.

Я кивнул. Я не знал, в порядке ли я. Мне вдруг стало очень тревожно за Хелю. Из-за меня пострадала Кира, значит, и Хеля может пострадать. В приступе самобичевания я решил, что опасен для окружающих, что мне надо уйти и скрыться от общества.

Глаза Рю вдруг расширились. Он осмотрел меня с ног до головы, и резко отскочив, нанес мне удар рукой в голову. В глазах потемнело, посыпались искры, раздался короткий звон и я потерял сознание. Видимо, Рю тоже понял, что я опасен, и решил разделаться со мной. Во мне не возникло злости, напротив, я был благодарен Рю за то, что он хотел позаботиться о людях, избавив их от меня.

Меня разбудил запах еды, сочившийся сквозь приоткрытую дверь. Открыв глаза, я увидел потолок своей комнаты. Голова болела так, будто по ней настучали молотком, а всё тело ломало от боли и переутомления. Организм отказывался работать, и любая попытка привстать кончалась одинаково. Чуть приподнявшись, я беспомощно валился на кровать, как

немошный. Блеск.

Значит, Рю не захотел меня выбросить.

Плохо.

С трудом, но я поднялся. С меня сползло одеяло, обнажая перебинтованное в некоторых местах тело. Встав, я оделся в домашнее. На каждое шевеление мышцы отзывались ноющей болью. Теперь гадай, тренировки меня так вымотали, или вчерашнее избиение. Наверное, и то, и другое.

Выйдя в коридор, я направился на кухню, ориентируясь на идущий оттуда вкусный запах. Оттуда доносился звук бьющегося по железу паломника и стучащего по доске ножа. Не успел я войти, как услышал голос Рю:

— Иди в постель, Рэн. Я принесу поесть. Ещё у меня к тебе серьезный разговор, — войдя, я увидел его в домашней одежде, что было необычным. Он нарезал овощи, а неподалеку, у плиты, возилась Хеля, что-то перемешивая большим паломником в кастрюле. Увидев Хелю, я улыбнулся. Она, покосившись на меня, сделала вид, что не заметила. Не мою улыбку, а меня вообще, что немного задело. От злобы она это, или от смущения, было непонятно. Кивнув, я вышел с кухни.

Возвращаясь, я думал, почему Рю в домашней одежде? Ведь из кимоно он почти не вылезал. Посчитал дни, и понял, что сегодня выходной. Моё увлечение тренировками заставило меня забыть, что в неделе есть дни, во время которых можно ничего не делать. Совсем не хотелось ими пользоваться. Это обеспечивало мне хороший прогресс, и позволяло быстрее догонять остальных. Никаких выходных. Только раз в месяц.

Завалившись обратно в постель, я почувствовал, как в груди защемило. Перед мысленным взором появился кулак Рю, который выбил меня из сознания.

Я дождался Рю, и когда он вошел, я старался не смотреть ему в глаза. Казалось, что стоит мне поднять голову, и Рю тут же меня ударит. Он нес в руках поднос с парой тарелок, от которых исходил запах, вскруживший мне голову. Пахло тем же, чем на кухне, но теперь запах был завершённым, и мог порадовать полной гаммой ароматов. Пахло рамэном и каким-то рисовым блюдом, которое пробовать не приходилось. Иначе бы я узнал запах. Рот тут же наполнился слюной, и я громко сглотнул, хотя даже не хотел этого делать.

Сев, Рю поставил передо мной поднос, и я, осторожно взяв палочки с тарелкой, принялся есть. Сначала аккуратно, но затем, голод сорвал все ограничители, позволяя мне есть быстро и большими кусками. Лишь съев суп я остановился, взглянув на Рю, терпеливо за мной наблюдавшего.

— Вы хотели поговорить, — начал я тихо. — Я готов слушать.

Рю кивнул, и я поставил тарелку обратно на поднос.

— Как ты себя чувствуешь?

Съязвить, или сказать, что нормально? Язвить не хотелось, мог получить по морде, прибедняться, что плохо, тоже не резон.

— Сносно, — нашел я середину между «ужасно» и «нормально».

— Прости, что ударил тебя, — искренне произнес Рю, и эти слова сняли камень с души. Значит, выгонять он меня всё-таки не собирался.

— Ичинару прибежал, сказав, что ты с чудовищем в переулке. Я явился, как только смог. Ты, надеюсь, понял, что без разрешения тебе в город лучше не соваться?

Я кивнул. Без Рю мне теперь даже в туалет отойти было страшно. Чудище могло притаиться и там, устроив мне теплый прием.

— Как ты попал в переулочек? — спросил Рю. — Ребята тебя там оставили? Называй имена. Каждый будет исключён из школы.

Внутри всё сжалось. Сдать или не сдать, вот в чём вопрос. С какой стати я должен их оберегать? Они загнали меня, как кролика, пинали, как грушу, и бросили подыхать. Меньшее, что я мог сделать в отместку, лишить их возможности учиться искусству Шести клинков.

— Не... — открыл я рот, готовясь назвать первое имя, но передумав, продолжил. — Не причем тут они. Я решил поиграть в ниндзя, и стал бегать по переулкам. Там бежал, споткнулся о камень, и с неба свалилась эта штука.

В воображении я увидел трещину в небе и тень, которая появилась после. Откуда берутся эти твари? Точно таких же я видел прежде, чем мы попали под Купол, и, кажется, я начинал понимать, для чего Купол предназначен. Мечники, похоже, нужны для той же цели. «Мечник, самурай клана Яркого света, Редклиф Джонатан» — раздался в моей голове голос Европы.

Купол и Мечники защищают людей от чудовищ?

Мечник, самурай клана Шести Клинков, Рэн Шинода. Звучало неплохо, и мне захотелось, что бы этот титул стал действительностью. Мечники истребляли теней, и если будучи мечником, я смогу уничтожить как можно больше этих тварей, никто не пострадает, как я или Кира. Стало яснее, кем мне хочется стать, и впереди я увидел новые горизонты.

— В ниндзя, значит? — изогнул бровь Рю. — Ну, тогда знай, что ниндзя в нашем клане быть не могут. Они бесчестные, корыстные, и трусливые.

Этого я не знал. Впрочем, мне и не хотелось стать ниндзя.

— Извините, — попытался я оправдаться. — Не знал. Просто думал, что ниндзя это круто. Я хочу стать самураем и мечником.

Рю кивнул, задумчиво на меня взглянув, но я чувствовал, что это явно не то, что он хотел обсудить.

— У тебя будет такая возможность, — сказал Рю. — Ты знаешь, с кем столкнулся?

— С монстром, — ответил я, не зная более точной характеристики. Честно сказать, мне более интересно было, почему Рю меня ударил. Тени враги, их надо убить — это всё, что мне требовалось знать. — Но я о нем ничего не знаю.

— Это тень, имеющая плоть, — наставительно начал Рю. — Тени когда-то были людьми, которые использовали силу темной энергии для того, что бы стать бессмертными и способными сопротивляться обществу.

— Темная энергия? — я изогнул брови. Впервые слышал о таком.

— Во Вселенной есть две энергии, которыми особые люди, вроде тебя и меня, могут управлять. Одна из них — светлая, которая позволяет контролировать стихии. Светлая энергия набирается в чакру человека, давая ему возможность порождать пламя из воздуха, например. Есть темная энергия, но она подвластна только злым людям, с которыми борется пятерка Всесильных правителей, создавая армии мечников и воюя со злом. Темная энергия очень могущественна, но если её использовать, она приводит к тому, что ты сам превращаешься во тьму, становясь кровожадной тенью.

Тень жестоко расправилась с Кирой, и я даже не сомневался, что тень кровожадна.

— А зачем тогда мечникам мечи? — спросил я, вспомнив, как Европа создал волну света взмахом клинка. — Разве не проще стрелять?

— Это не простые мечи. Их делают из селидия. Это особый металл, который является отличным проводником для тонких энергий, вроде светлой. Он многократно увеличивает

силу мага. Одной чакрой управлять учатся лет по двадцать, я, например, — Рю вытянул руки в разные стороны, распустив ладони. В одной, из воздуха, появился шарик льда, а в другой сформировался маленький воздушный вихрь. В груди Рю загорелся зеленый круг, прям как у Киры, а в области горла синий, — владею двумя. И у меня жизнь ушла, что бы ими овладеть. Для того, что бы компенсировать наши временные недостатки и сделать нас достаточно сильными, и были придуманы селидиевые мечи.

Темная энергия, светлая энергия, селидиевые мечи... Фантастика! Я не понял большую часть из того, что сказал Рю, но это привело меня в восторг. Возможность управлять стихией, да ещё и используя для этого меч, будоражила моё воображение, и я хотел поскорее ей воспользоваться. Спустя несколько секунд, восторг сменился во мне замешательством, ведь Рю сказал: «Особые люди, вроде тебя и меня». Мне не хотелось верить в то, что у меня есть способности к управлению чем-то, кроме своего тела.

— Почему вы ударили меня? За какой-то проступок? — не выдержав, спросил я. По моему представлению, Рю должен был рассердиться, услышав этот вопрос. Я вжал голову в плечи, боясь агрессивной реакции.

— Нет, — ответил Рю, не проявляя ни малейших признаков злости. — В переулке ты сиял, как утренняя звезда. В тебе много мощи, и я раньше никогда такого не видел. Ударить тебя заставил страх, что твоя сила выйдет из-под контроля. Ты мог натворить дел.

Каких таких дел?

— Понятно, — сказал я, стесняясь дальше задавать вопросы.

— Ты видел что-то прежде, чем появилась тень?

Когда я рассказал ему про трещину в небе, и шарики света, залатавшие её, он стал задумчиво гладить усы.

— Странно. Тени раньше тут никогда не появлялись. Не в этом районе.

— Вы хотите сказать, что город — лишь район?

Рю кивнул.

— Об этом я и хотел поговорить. Мне думалось, что ты догадаешься обо всём, но, похоже, кое-где я тебя переоценил, — беззлобно сказал Рю.

Мне стало немного обидно после этих слов. Будто меня гладили по голове пару минут, в конце дав сильную затрещину. Ведь и вправду, с чего меня сразу не заинтересовало то, почему под Куполом находится копия города? Почему улицы за Куполом были усыпаны трупами, с чего вдруг город пылал, и кто всю эту разруху устроил? Тени?

Я не задумывался об этом потому, что с городом, и с событием, заставившим столько людей погибнуть, меня не связывали никакие воспоминания. Благодаря этому мне с легкостью удалось погрузиться в новую жизнь, даже не думая о проблемах, которые возможно были. Вдруг всё стало на свои места. Пазл сложился, сформировав картину произошедшего.

— Мир был атакован тенями, Рэн. Всесильные правители построили Купол, вместивший под собой копии самых крупных городов мира, в которые удалось засунуть семьсот миллионов человек. Остальные, к сожалению...

Мертвы. Шесть миллиардов и триста миллионов человек, уничтоженных атакой теней, как-то не могли уложиться в моей голове. Цифра была слишком большой, жертв слишком много, и разум просто отказывался принимать это, как факт. Всесильные правители спасли остатки человечества, и за это я был им благодарен. Теперь они давали возможность людям жить так, как раньше, в полюбившемся им мире. Все граждане вели себя естественно, и я не

видел, что бы кто-то чувствовал себя не в своей тарелке.

— Неужели бетона хватает, что бы сдержат тени? — спросил я, не представляя, как что-то материальное способно сдержать сильное существо, состоящее из тьмы.

— Теней сдерживает поле, формирующее иллюзию неба над нашей головой. Это основной эшелон защиты, который иногда получается пробить. В разных районах разная степень проникновения. Наш, Восточный, считается самым спокойным.

— Восточный? А есть и другие?

— Да, — Рю кивнул. — Пять Всесильных управляют пятью районами, и в каждом районе есть своя армия мечников, сдерживающая тени.

— А какие районы есть?

— Южный, Северный, Западный, Восточный, Центральный. Вместе они формируют цитадель общества, и позволяют сохранить цивилизацию, которую мы чуть не потеряли.

— Если всем обществу было так хорошо, то почему кто-то решил воспользоваться темной энергией, что бы обществу противостоять? — стало мне любопытно.

— Им было нехорошо в социуме, в котором мы все живём, и с правилами которого должны считаться, — сказал Рю. С чего вдруг кто-то кому-то что-то должен, мне стало неясно. — Они претили законам общества, и преступали их, ради достижения своих корыстных целей. Если пойдешь в мечники, там тебе всё разъяснят. Что бы быть полноценным членом общества, нужно стремиться быть как остальные, стать его частью. Тогда люди совместными усилиями смогут достичь поставленной обществом цели. Тени этого не хотели.

— Какой цели? — спросил я.

— Процветание человечества.

Я нахмурил брови. Процветание человечества — это хорошо. Так что теням не нравилось? Почему они воспротивились? Мясорубка снаружи была устроена ими просто так? Не знаю, что ими двигало, но моя ненависть к ним крепла. Что бы ни было у них на уме, это не повод сжечь планету и убить кучу людей.

— Теперь ты знаешь, что выходить одному на улицу по ночам не стоит. Да и днем не очень безопасно, — подытожил Рю.

— Ясно, — сказал я. — Мастер Рю, а можете мне сегодня подготовить лед?

Рю изогнул бровь.

— Тренироваться собрался? Ты себя видел? Тебе нужно восстановиться.

— Я восстановился, — сказал я ему, заметив, что усталость и боль в мышцах уже прошла. Это больше всего поражало Рю, и он чуть было не прозвал меня собакой из-за того, что я так быстро восстанавливался.

— Тебе очень повезло с организмом, — сказал Рю. — Но отдохнуть надо. Ты психологически не выдержишь.

— Выдержу, — сказал я.

Поставив цель, я был намерен идти до тех пор, пока не достигну её, и не нужно будет ставить новую.

Ну, — сказал Рю, пожав плечами. — На твой страх, и риск. Потом не вини меня, что не остановил. Понял?

Я кивнул. Если бы Рю действительно чувствовал, что я не могу, он бы и не позволил мне заниматься.

Мне действительно повезло. Будь у меня организм обычного человека, я смог бы

тренироваться лишь на час дольше остальных, и на день больше. Конечно, это обеспечило бы мне превосходство, но не такое быстрое, как мне было нужно. В один день, когда Рю рассчитывал увидеть меня полумертвого в постели, я пришел на тренировку отдохнувший и полный сил. Это удивило его так, что он даже уронил связку с тренировочными шестами, решив, что я над ним издеваюсь.

Потом мы заметили ещё кое-что.

На восстановление определенной группы мышц у обычного человека уходит сорок восемь часов минимум, и только спустя этот срок, можно работать с этой группой снова. Я же восстанавливался за восемь, и это позволило нам с Рю, во-первых, удлинить тренировку, во-вторых, нагрузить тренировочный план большим количеством упражнений. Это обеспечивало мне очень большой прогресс.

Каков же был мой предел?

Единственное, с чем нельзя было спешить, это с количеством осваиваемых техник. Рю говорил: «У тебя очень живучее тело, которое быстро восстанавливается. Мы можем сделать так, что ты будешь расти быстрее остальных в плане физической силы, выносливости, и ловкости. Но не можем сделать так, что бы твоё тело быстрее запоминало движения, делая их автоматическими и бессознательными. На освоение техники нужно больше времени».

Впрочем, в плане ударных техник я тоже прогрессировал быстрее остальных. Благодаря природной выносливости я отрабатывал удары на несколько часов больше, чем другие, потому тело запоминало их быстрее. Мне хотелось за одну тренировку отрабатывать как можно больше техник, но этого Рю уже не допустил. В ответ на моё желание внести больше ударов в тренировку он отвечал: «Брюс Ли говорил: Я боюсь не того, кто тренирует десять тысяч различных ударов, я боюсь того, кто десять тысяч раз тренирует один и тот же удар».

Беря на веру то, что Брюс Ли великий воин без каких либо доказательств, я не смел сомневаться в практичности его слов.

В коридоре раздался электронный писк, вызвав любопытство у Рю. На домашнюю почту прислали сообщение.

— Подготовлю, — Рю наконец решил удовлетворить мою просьбу с ванной.

Встав, он вышел, но вскоре вернулся обратно, уже одетый в кимоно. С чего ему надевать кимоно в выходной день? Неужели собрался на какие-то соревнования? А зачем он тогда заглянул ко мне?

— Рэн, собирайся, — сказал он, и я понял, что возражений он не потерпит. — Тренировку перенесем на час позже.

Решив не задавать лишних вопросов, я открыл шкаф, и надел первое попавшееся кимоно. Хеля почему-то быстро зашла в комнату, закрывшись, и её лицо показалось мне очень растерянным.

— А куда мы идем?

— Правители созывают граждан на главную площадь Центрального района. И возьми планшет. Он может пригодиться.

— Почему Хеля не идет? — я попробовал отодвинуть дверь. Она была заперта.

— Хеля уже видела то, что произойдет, — сказал Рю, явно не желая отвечать на этот вопрос. — Пока она не подрастет, я стараюсь на такие мероприятия её не водить. Всё равно пока не поймёт, зачем это нужно.

Вдруг мне стало любопытно. Что там должно произойти такого, чтобы Хеля с растерянным видом спряталась в комнате? Страх переплелся с интригой, заставив меня

решить послушно следовать за Рю. Хотя, честно, я бы лучше лишний час потренировался. Но, раз так надо, то мне пришлось идти. Ведь быть достойной частью общества, которое приняло и спасло меня, мне очень хотелось. Я взял планшет, лежавший в спортзале, и вернулся к Рю.

Мы вышли под открытое небо, на улицы, уже заполнившиеся народом. Сегодня погода была пасмурной. Даже накрапывал дождь. Интересно, почему нельзя было оставить солнечную погоду навсегда? «Людям Наверное, надоедает однообразная погода», — решил я.

Мы с Рю жили в Восточном районе. Он был копией Японского Токио, как я позже выяснил. На улицу, выходя из своих домов, лениво выходили люди, создавая один общий, живой поток. Народ нас окружил самый разный, но преимущественно, в толпе, мне удавалось разглядывать лица азиатов.

В дороге я всё время с кем-то сталкивался, но потом, почувствовав ход толпы, более менее освоился.

Скоро мы вошли в огромный тоннель, и, пройдя по нему какое-то время, вышли с противоположной стороны на широкий проспект Центрального района. Я оглянулся, и увидел гигантские полотна гермоворот, которые, судя по виду, могли выдержать прямое попадание ядерной ракеты. Восточный район казался тесным, а Центральный же был застроен так, что бы тут было много свободного места. Вдоль низких зданий тянулись дороги, по которым брели люди, обтекая стоявшие у обочины шикарные автомобили. Настроение у всех было разное. Кто улыбался, а кто выглядел обеспокоенно. Похоже, Всесильные не так уж и часто собирали подданных.

Вскоре толпа остановилась перед громадной площадью, в центре которой высилось гигантское строение с куполом на вершине. Размер здания не укладывался в моей голове, ведь до этого момента я даже не думал, что может быть что-то, способное поразить меня размером после купола. На фасаде здания была большая лоджия, расположенная на высоте метров, наверное, в 10.

В центре площади была белая палатка, возле которой стояло два угрюмых воина. Площадь оцепили так, что бы сгрудившаяся вокруг неё толпа видела палатку изнутри. Зачем это, интересно?

Мечники выстроились перед площадью, не позволяя никому шагнуть на неё, и сдерживая толпу.

— Дальше не идем, останавливаемся! — говорил двухметровый мечник, за спиной которого висел увесистый меч, почти с него самого ростом. Как таким можно орудовать, я даже не представлял. Мечник вытянул вперед кряжистые руки, которыми, казалось, можно перевернуть всю толпу.

В оцеплении бойцы были самые разные, в том числе и наши, из Восточного района. Только одеты они были не в привычные мне кимоно, а в черные доспехи, усиленные по всему телу темными пластинами с красивыми рисунками. На их лицах были устрашающие маски, олицетворяющие демонов. Ладони они держали на рукоятках катан, готовясь в любой момент обнажить их.

Я достал планшет, чтобы узнать побольше о мечниках других районов. Прав был Рю, пригодился планшет.

У Западных мечников, как правило, воины были здоровенными либо в росте, либо в плечах, редко и в том, и в другом. Они носили тяжелые мечи, булавы, и топоры, прикрепленные к ножнам на тяжелых стальных доспехах.

Южные носили копыя, и трезубцы, потому я удивлялся, почему их называли мечниками, а не копейщиками. В основном они были чернокожие, но среди них попадались и белокожие, автоматически становясь белыми воронами. Брони на них почти не было, и она присутствовала частично, видимо затем, что бы обеспечить максимум подвижности. Одежда под броней была простой, и явно без изысков. Темная, как и их кожа.

Северные чем-то походили на западных, только почти поголовно были бородатыми, с тяжелыми топорами и секирами. Доспехи на них были с мехами, и от того воины выглядели как непробиваемые звери, облачившиеся в металлические панцири. Они напомнили мне древних викингов.

Толпа гудела. Кто-то выражал недовольство, потому что был оторван от важных дел, а кто-то просто бубнил, чтобы не отделяться от общего настроения. Мне очень хотелось разделить недовольство, но когда я открыл рот, то сразу же словил укоризненный взгляд Рю.

— Мастер Рю, — шепнул я, дернув его за рукав. Рю выглядел спокойно, явно не разделяя настроения толпы. — А почему вдруг все расстроились?

Я вспомнил людей, шедших сюда с улыбками. Что могло заставить их так резко поменяться в лице? Как секунду назад счастливый человек, вдруг резко становился угрюмым даже без видимой на это причины? Мне было очень интересно.

— Толпа пробуждает в тебе стадное чувство, — пояснил Рю. — Не поддавайся ему, и не наломаешь дров вместе с остальными. Нужно уметь контролировать эмоции.

Стало ясно, почему Рю так на меня посмотрел, и сразу стало легче.

— А что будет? — не удержался я. — Что за палатка?

— Увидишь.

— Добрые граждане Купола! — раздался незнакомый мне голос, сразу же изменивший настроение толпы с недовольного на приподнятое. Голос доносился из динамиков, стоявших неизвестно где, и разносивших звук по всей площади. — Прошу вас, не шуметь и успокоиться.

Толпа стихла. Вскоре я увидел говорящего — крохотный человечек на лоджии, вытянувший руки в разные стороны, и делающий успокаивающий жест.

— Сегодня Всесильные правители решили удостоить нас, своих славных подчиненных, своим визитом.

Толпа зашлась радостным визгом, который мне тоже захотелось поддержать, но воспоминания о взгляде Рю заставили сдержаться.

Из дверей на лоджию вышло пять фигур, еле различимых, но даже с большого расстояния можно было понять, что они хорошо одеты. Захотелось подойти поближе, но взглянув на амбала с огромным мечом, стоявшего перед нами, я быстро передумал. В честь чего ставить в центре площади белую палатку, собирать людей, и удостоивать их визитом?

Мне трудно было представить, как все семьсот миллионов человек соберутся в одном месте, и перед глазами тут же появилось решение этой проблемы. Я заметил летающих дронов с камерами, которые кружили по периметру площади, и были направлены на палатку. Большая часть населения, наверное, осталась дома. «Почему мы так не сделали? Вовсе ни к чему переться два часа пешком, если можно было посмотреть всё на экране во время тренировки». Я пожал плечами. Видимо, такова была прихоть Рю. Судя по настроению толпы, должно было произойти нечто грандиозное, мне не терпелось узнать, что.

— Жители Купола! — раздался ещё один незнакомый мне голос, заставивший толпу затихнуть. — Рад видеть, что вас так много, и вы тут, даже не взирая на пасмурную погоду.

Спасибо, что пришли. Уверен, что вам интересно, для чего мы вас тут собрали, да?

Толпа отозвалась гулом. У меня возникали разные догадки по поводу того, чему люди так рады. Праздник, или какое-то памятное событие? Наверное, памятное событие. Ведь Купол был заселён недавно.

— Вы, наверное, не полностью успели освоиться в новом доме, и до конца осознать, что происходит снаружи, и почему все мы здесь, — кто-то на лоджии шагнул к перилам. Динамики слегка исказили его голос. — Но это простительно, потому, я хочу пояснить вам всю серьёзность нависшей над миром катастрофы. Вчера произошёл инцидент в Восточном районе, некоторым, возможно, даже пришлось его увидеть. Кто видел, поднимите руки.

Какая разница, кто видел инцидент? Я огляделся. Руки подняло большинство людей, живших в Восточном районе, и моя рука автоматически потянулась вслед за остальными. Вдруг у меня возникло неприятное ощущение, что мной пытаются управлять, и почувствовав это, я руку тут же опустил. Рю, заметив это, покосился на меня.

— Все в Восточном районе видели, — подытожил Всесильный. — Теням снаружи удалось пробить небольшую брешь в нашей защите, но благодаря передовым технологиям, и совместным усилиям мечников с Всесильными правителями, массовое вторжение удалось пресечь, но не обошлось без жертв. Если бы тени проникли в купол, вы, ваши семьи, и ваши друзья, были бы растерзаны, и погибли бы в муках. Во всех районах иногда происходят вторжения, но благодаря нашей дисциплинированности, организованности, и скорости нам удается оперативно их сдерживать, за счёт скоординированной работы, пренебрегать механизмами которой — значит подвергать опасности весь Купол.

В груди защемило. Даже для своего возраста я понимал, что речь Всесильного слишком сложна. Он будто специально использовал длинные слова и страшилки, будто бы отвлекая от чего-то внимание и заговаривая зубы. «Массовое вторжение? Но я видел лишь одну тень», — подумал я. Остальные, похоже, не успели проникнуть.

— Кто согласен с тем, что нарушения дисциплины, ради сохранения мира и благополучия жителей Купола, нужно пресекать и регулировать любыми средствами? Поднимите руки.

В этот раз руки подняли все. Даже Рю. Один лишь я остался с опущенной рукой, от чего стало жутко неловко, а то и вовсе страшно. Желание избавиться от чувства страха стало столь сильным, что мне пришлось поднять руку просто ради того, что бы избежать всеобщего порицания и презрительных взглядов. Но я был не согласен с Всесильным. Я пообещал в себе, что в следующий раз буду не таким трусом.

— На фоне всеобщего согласия с допустимостью любых мер перевоспитания, с целью демонстрации последствий обхождения дисциплины со стороны самурая, мечник и самурай клана Яркого света, Редклиф Джонатан, приговорен к публичному воздаянию верности Господину, за игнорирование воинского кодекса чести в виде нарушения прямого приказа, отданного ему Господином.

У меня от удивления глаза на лоб полезли. Европу? За какой такой приказ, и когда это произошло? Что за публичное воздаяние верности? Звучит, в принципе, не очень страшно. Наверное, это как публичная порка. Я дернул Рю за рукав, желая спросить, но он прислонил палец к губам. Было не время задавать вопросы.

Толпа застыла, даже не понимая, как реагировать на сказанное. Вроде, приговор звучал страшно, но он явно был оправдан спасением от нависшей над Куполом опасности.

Под лоджией открылись ворота, из которых вышло четыре фигуры. Когда они подошли к

палатке, то окружили её, и в палатку вошел Европа, сев на колени.

— За обход дисциплинарных правил, самурай Редклиф Джонатан лишается права прервать воздаяние с помощью друга, — заключил Всесильный. — Приступай.

Над палаткой вспыхнул большой голографический экран, где было видно изображение, передаваемое дронами. На экране было лицо Европы. Оно казалось невозмутимым, но зубы были очевидно сжаты. Что-то пугало или злило его. Джонатан косился на своих конвоиров, но в его взгляде не было просьбы о помощи, скорее наоборот. Он хотел смерти, им, или себе, и от того выглядел как самый настоящий злодей. Конвоиры, судя по одежде, были из клана Яркого света, и им, наверное, сейчас было ох как не хорошо. Я бы не смог вынести участия в публичном наказании друга.

Народ стал перешептываться. Мне быстро передалось состояние всеобщего волнения, и захотелось уйти отсюда, чтобы не видеть продолжения представления. Я был не один такой, люди вокруг тоже периодически поглядывали назад, в поисках выхода, но что-то заставляло их отводить взгляды. Я обернулся, и сквозь толпу увидел силуэты мечников, которые стояли сзади. Нас обложили со всех сторон, правители явно хотели, чтобы все оставались на площади до конца.

— Приступай, — повелительно сказал Всесильный. Европа на экране зажмурил глаза. Его маленький оригинал в палатке медленно, нехотя потянулся к поясу, и лишь присмотревшись, я увидел тоненькую рукоять меча, к которой Европа направил ладонь. Европа достал короткий клинок.

Толпа шумно вздохнула.

Тут мне стало ясно, что это не показательная порка, а казнь. Причем казнь проводилась руками приговоренного, и этот факт ввергал меня в тихий ужас, от силы которого я задрожал. «Европа же герой! Он спас меня! За что вы хотите его казнить?! Какой же приказ он нарушил, что вы заставляете его такое вытворять?!» — мне хотелось крикнуть вслух, но этот поступок вполне был способен посадить меня на место Европы, и я решил оставить возмущение в мыслях.

Он же герой!

Глаза намокли, будто погружая мир в аквариум, и по щекам покатились слёзы. Рю даже не пошевелился, и разочаровал меня. Нормальный отец, или нормальный взрослый человек сразу закроет своему ребенку, да и любому ребенку глаза, что бы тот не видел вынужденного убийства. Рю хотел, что бы я это видел.

Европа вытянул клинок лезвием к себе, готовясь наносить удар, и нацелился в живот. «Не делай этого!» — думал я, желая кричать, но боялся. Оглядев окружающих заплаканными глазами, я поразился их бездействию, ведь помимо меня недовольных и расстроенных было полно!

Так возьмитесь же за головы! Начните протестовать!

Нет. Всех пугали мечники, всех пугали самурай, стоящие спереди, и сзади.

Со всей силы Европа вонзил короткий клинок себе в живот, и его лицо исказилось от боли. Он корчился в агонии, зачем-то двигая клинок в животе в сторону, и скалил зубы, выпуская сквозь них сдавленный крик. Крик я не слышал, но отчетливо представлял его себе, ведь именно так выглядит человек, кричащий от убийства себя самого. В нём смешались и боль, и страх смерти.

За что? За какого Господина? За нарушение какого приказа?

Из живота Европы хлынула кровь, и окропила покрывало, на котором он сидел. Я

зажмурился. Мне было страшно даже представить, какую адскую боль он испытывал. У меня в душе возникло такое гадкое ощущение, что захотелось вывернуться на изнанку, ведь я даже не успел сказать Европе спасибо. «Дурацкие тени! Всё из-за вас! Будь вы прокляты! Я вас всех уничтожу!» — во мне кипела и крепла злость, которая теперь на долгое-долгое время станет моим спутником.

Я буду тренироваться ещё усерднее, что бы стать мечником, и убить как можно больше теней.

Если бы не тени, то Всесильные не были бы вынуждены быть такими строгими, если бы не тени, Европа бы не стал мечником, если бы не тени, никому бы не пришлось умирать!

— Мастер Рю, пожалуйста, пожалуйста, — взмолился я.

— Нам не уй...

— ... помогите ему, — я всхлипывал. — Ему же больно!

От полученной затрешины перед глазами всё вспыхнуло, и Рю прошипел сквозь зубы:

— Немедленно прекрати плакать! Это не подобает ни воину, ни самураю!

Я умолк. Рю плевать хотел на Европу, как и все остальные, кто тут был. Они лишь стояли, и смотрели, смотрели испуганно, равнодушно, растерянно, но просто смотрели. Никто ничего не сделал для того, что бы остановить казнь.

Я был разочарован. Не знаю, во Всесильных ли, в самураях ли, но разочарован.

Когда «шоу» закончилось, экран над площадью погас, и в моей памяти отпечталось безжизненное лицо с пустым взглядом, которое я запомню на всю жизнь. Толпа разбрелась вяло. Всесильные ушли, даже не прощаясь. Всем сразу стало ясно, кто тут хозяин.

— Надо валить из-под Купола, — сказал какой-то старик дрожащим голосом.

— Куда? К теням? Наружу? — прокряхтела в ответ старуха. — Сиди тихо, помалкивай, и не повторишь судьбу Редклифа! Он сам выбрал этот путь!

Ведь Всесильные могли заставить пойти на такое и обычного человека, разве нет? Не обязательно быть самураем, чтобы вспороть себе живот. Формально, это было не так, однако на практике — повелевает тот, кто пишет законы.

Когда мы миновали туннель, разделяющий Центральный и Восточные районы, Рю сказал:

— Вот что бывает с теми, кто идет против общества и Господина, — сказал Рю. — Будь на стороне общества, чти Господина, и всё у тебя сложится, как надо. Ты всё ещё хочешь быть самураем?

Я кивнул. Мне было неизвестно, за что самурая могли заставить на такое пойти, потому я решил изучить кодекс чести. Там наверняка всё изложено, по пунктам, и эти знания помогут мне избежать участи Европы.

Новая мысль, появившаяся внезапно, заставила меня онеметь от ужаса. Рю заставлял Хелю смотреть на то же самое до Купола? Она ведь была намного младше меня!

Но зачем Рю заставлять ребёнка на такое смотреть? Может, он просто хотел предостеречь нас от непослушания и глупых поступков? Да, видимо этого Рю и хотел.

— Мастер Рю, — тихо спросил я. — А у вас есть кодекс чести?

— Есть, — ответил Рю. — Его изучением я рекомендую тебе заняться.

Я кивнул.

Когда мы вошли в дом, даже Хеля поразилась моему виду. Рю завёл меня в комнату, и закрыл за мной дверь. Мы с Хелей остались наедине, стоя в тусклом свете потолочных ламп.

— Что тебе показали? — спросила она. Ей было известно почти наверняка, но она просто хотела убедиться в этом.

— То, что происходит с непослушными людьми, — ответил я.

— Это называется сэппуку. Ритуальное вспарывание живота мечом, — сказала Хеля, зачем-то поясняя мне, что я увидел. Она отвела взгляд. — Не волнуйся. Люди, погибшие такой смертью, доказали чистоту своего духа перед людьми и богами. Им будет хорошо в следующей жизни.

— Что за бред?! — не выдержав, я сорвался на крик. — Какая следующая жизнь?! Какие боги?! В следующую жизнь можно уйти не у всех на глазах! Это был не обряд, а показательная казнь! Чтобы знали своё место! Чтобы боялись!

Хеля, не ожидавшая такой резкой реакции, вздрогнула, и затем виновато опустила глаза.

— Прости, — шепнула она. — Я просто хотела успокоить тебя. Я с тобой согласна. Он был твоим другом?

— Нет. Но я так и не успел сказать ему спасибо.

Итомэ осторожно шагал, ходя вокруг меня по воображаемому кольцу, и крепко держал меч двумя руками. Мы оба выросли, стали выше, и шире в плечах. Обоим было по восемнадцать лет. В его глазах были видны проблески страха, которые смешили меня, и я еле сдерживал себя от соблазна позлорадствовать. Рю бы этого не потерпел. «Теперь ты не такой крутой, Итомэ?»

Я держал меч, прижатый к поясу, и оставлял ладонь на рукоятке до тех пор, пока Итомэ не допустит ошибку, и не откроется для удара.

Взглянул на его руки, по которым он уже получил пару раз, замахиваясь на меня. Наверняка там будут синяки. Прошло уже восемь лет, как мы тренировались, и я до сих пор выдерживал режим, установленный в самом начале. Остальных по развитию я обходил ровно на два года, и теперь настало время пожинать плоды своих трудов.

Итомэ замахнулся, потеряв терпение, и снова открылся. Я позволил ему ударить, но при этом шагнул в сторону, одновременно ударив его клинком по ребрам. Он взвизгнул, и выронил меч, схватившись за торс. Раньше мне казалось, что как только настанет момент отмщения, то чувство наслаждения не оставит меня ни на минуту, но это оказалось не так.

У меня была возможность долго пинать Итомэ, вытягивать из него силы ниточка за ниточкой, и издеваться над ним, но я всё же решил закончить поединок быстро. Сделал подсечку, Итомэ упал на спину, грохнувшись на деревянный пол и удар выбил из его лёгких воздух. Я приставил острие к горлу поверженного врага.

Он смотрел на меня, нахмурившись, что заставило меня усмехнуться. Гордый Итомэ был, гордый. Даже не смотря на очевидный проигрыш не хотел сдавать позиции, не хотел менять отношение ко мне с ненависти на уважение. Впрочем, за восемь лет тренировок я кое-что понял, и мне стало всё равно, уважают меня или нет. Я был сильнее, чем они, этого достаточно.

Собачка лает — караван идет.

Я протянул Итомэ руку, хотел помочь встать, но он отмахнулся. Меня забавляло то, что он усердно продолжал свою игру в классовую ненависть, подначивая на неё остальных. У меня в ходе жизни несколько раз менялось мнение о людях, но в одном уверенность была всегда — становясь старше, человек становится мудрее. Это относилось, наверное, ко всем, кроме Итомэ, но то, что он ни за что не хотел отказываться от занятой восемь лет назад позиции, даже немного восхищало меня.

Группировка издевавшихся надо мной людей стала резко терять своих последователей. Когда у меня стало получаться побеждать в спаррингах и драках, из всей школы меня осмеливались гнобить только два-три человека, которые были самыми смелыми. Они до сих пор пытались меня травить, но только пытались, сначала отделяваясь синяками, а потом лишь оплеухами. Их упорство меня восторгало, но защищаться от них немного надоело, потому я воспринимал их, как очередную тренировку.

— Молодец, — сказал Итомэ презрительно. — Но не забывай, кто нанес тебе первое поражение, безродный.

В ответ я только улыбнулся. Эти невинные попытки поддеть меня психологически и спровоцировать уже воспринимались, как шутки. Раньше меня это пугало, сейчас лишь вызывает мелкое раздражение, но и его вскоре заменит равнодушие.

Рю смотрел на меня. Когда наши взгляды пересеклись, он кивнул. Между нами этот жест уже давно стал значить только одно: «Я хочу поговорить с тобой».

Мы построились. Итомэ встал рядом с Ичинару, который стал моим единственным другом за все эти годы. Остальные тоже предпринимали попытки со мной дружить, но только после того, как у меня вышло стать сильнее. Ичинару был единственным, кто не бил меня тогда в переулке, и единственным, кто позвал Рю на помощь, когда на меня напала Тень. Он один проявил себя как настоящий друг, и общался со мной не только потому, что я сильный. Ичинару сам был не плох в бою, но нас объединяли чисто человеческие, бескорыстные отношения. Настоящих друзей можно определить только по действиям, никак не по словам, это я понял быстро. Ичинару говорил со мной меньше всех, никогда не называл меня своим другом, но вёл себя как самый верный товарищ. Пока Рю не подошёл, ребята решили пошептаться.

— Слышал, что в школе Яркого света тоже учились безродные, — сказал Итомэ. Он говорил с такой громкостью, что бы услышал я, но не услышал Рю. — Их оттуда быстро вытурили, не позволив стать мечниками.

— Ох, да забудь ты уже! — Ичинару протяжно вздохнул. — Лучше скажи, господина выбрал уже?

— Да, — гордо ответил Итомэ. — Я хочу служить господину Сора. У него самое большое жалованье.

— И обязанности самые большие, — усмехнулся кто-то из ребят.

— Ты вообще мечником не станешь! — прошипел Итомэ.

— А ты выбрал господина, Рэн? — спросил Ичинару. — Тоже господин Сора?

Я не знал, что ответить. На самом деле у меня не было варианта, который я мог бы считать приемлемым. При слове «господин» в мыслях всегда всплывал убивающий себя Европа, потому самураем мне быть уже не очень хотелось. Точнее хотелось, но было страшно. Мне потом рассказали, что Европа был приговорён к харакири за сильный проступок перед Нагихато, нашим Всесильным из Восточного района.

Европа не доставил важную посылку, из-за которой отношения Северного и Восточного района пострадали. Я боялся совершить такой проступок, и быть опозоренным. Потому, мне больше хотелось стать мечником без господина, истреблять теней, и защищать Купол. Но иного выбора не было, и в конце курса владения чакрой, я буду обязан выбрать господина.

Господин руководил кланом, а клан относился к системе рейтингов, которая позволяла клану иметь часть дохода, получаемого мечником за убийство тени.

Так же была клановая и межклановая система рейтинга мечников, которая определяла, какое место занимает мечник, насколько он искусен и силен, показывая, сколько теней он истребляет в день. Если у мечника нет господина, то нет клана, если нет клана, то мечника нет в рейтинге, следовательно, такого мечника содержать невыгодно, особенно, если он слабый, и заработать мечник никак не сможет, даже не имея жалованья.

— Не знаю, — ответил я, решив найти золотую середину между согласием и несогласием. — Ещё не решил.

И не хотел решать.

— Да кому он, безродный, нужен? — приглушенно шепнул Итомэ, то ли говоря специально, то ли у него слова случайно вылетели.

— Тишина, — спокойно сказал Рю, пройдя мимо нас, и затем, встал перед строем, оглядев его. — Вы молодцы. Вы тренировались двенадцать лет, и теперь, заслуживаете право

взять в руки настоящие мечи.

Обычно, в ответ на такое заявление, толпа отвечала одобрительным гулом, но Рю терпеть не мог разговоров в строю. Потому, все молчали в тряпочку.

— Господин Сора прислал мне список учеников, которых он готов предложить Всесильному Нагихато как мечников Восточного района. Но для начала, те, кто хочет стать мечником, шагните вперед. Те, кто сделал шаг вперед, и те, кто будет в списке, поедут в Центр Энергетического Контроля или ЦЭК. Давайте.

Рю сделал подзывающий жест, и отошел, что бы дать вышедшим больше места. От волнения у меня вспотели ладони, которые я старался незаметно вытирать о штаны. Этот момент был очень важен для меня, я не мог оставаться равнодушным. Впереди, — если меня, конечно, примут, — ждёт много интересного. ЦЭК — довольно занимательное место. Это типо Хогвартса, только под Куполом. Представляя себя в рядах учеников школы магии, я испытывал радость, заставлявшую сердце биться быстрее.

На теоретических занятиях Рю рассказывал о ЦЭК. Прежде, чем отправлять мечника на собеседования с господами, и прежде, чем дать ему статус самурая, его должны обучить контролировать чакры, иначе тень не одолеть. Многие из этих ребят будут проходить тест, но не я. Рю сказал, что чакры у меня определенно имеют достаточно мощности, что бы открыто управлять стихиями, как и у любого мечника, а вот у остальных это всегда под вопросом. Вплоть до теста.

Мне оставалось только выбрать, какую стихию осваивать и какому господину служить.

Я шагнул вперед. Следом за мной, разумеется, шагнула большая часть учеников, а Итомэ, будто демонстративно, вышел на пол шага дальше остальных.

— На место, Итомэ, — Рю покачал головой, укоризненно смотря на ученика. Итомэ расстроился. — Кто помнит, что мы с вами обсуждали на уроке целеполагания? — спросил Рю, поочередно посмотрев на каждого из нас. — Кто скажет?

— Давай безродный, — презрительно шепнул Итомэ. — Ты у нас заучка.

Да, это так и было. Рю учил, что только человек, который тянется к знаниям и постоянно учится, будет развиваться и достигнет успеха более легко, чем тот, кто учиться не любит. Потому, я воспитал в себе любовь и тягу к обучению.

— Позвольте мне, мастер Рю, — сказал я без малейшего стеснения и стыда, которые рассчитывал услышать Итомэ в моём голосе. Почувствовав моё равнодушие, Итомэ презрительно скривил губу, расстроившись, что уловка не сработала.

— Говори, — кивнул Рю. — Коротко, и ясно.

— Чётко и ясно поставленная цель заставляет мозг, и тело, работать над тем, что бы совместными усилиями её достигнуть.

— Верно, — кивнул Рю. — Стыдно, что остальные ученики этого не помнят. Вам надо стараться лучше.

Все ученики Рю, в рамках тренировочных программ, занимались, не выбиваясь из графика. Они приходили четко вовремя, и уходили тогда, когда тренировка кончалась, но стараться — они не старались. Большая часть тренировалась тут потому, что надо, а не потому, что хочется, и это было очень глупо, на мой взгляд. Рю прекрасно знал, как они проводят время после тренировок, но не говорил и слова. Мне сначала тоже хотелось развлекаться, но потом, я очень полюбил тренировочный процесс, и тренировка тела с духом стали образом моей жизни. На тренировках я закалял тело, а после тренировок — дух. Отдыхом для меня были чтение и творчество. У меня, на пятый год занятий, проявилась

большая тяга к пешим прогулкам, бегу, и медитациям. Ими я заменил всякие развлечения, и меня это устраивало.

— Итак, — начал Рю, погладив усы. — Рекомендованными учениками становятся следующие люди: Рэн, — то, что список начался с моего имени, льстило. — Ичинару...

Рю оглашал список минуточку-другую, и чем больше имён произносилось, тем мрачнее становилось лицо Итомэ. Имя Итомэ не было произнесено до самого конца, и Итомэ стал выглядеть избитым, морально избитым. Лицо стало таким угрюмым, что мне показалось, будто Итомэ кто-то сначала отпинал, а потом поставил в строй.

— Но Мастер Рю! — Итомэ запнулся, — я же старался!

— С теми, кто в список не попал, я поговорю после тренировки. А сейчас...

Итомэ бросил бокен. Его лицо, мигом взмокшее от слёз, было наполнено болью и обидой.

— Я двенадцать лет потратил на ваши тренировки! — возмутился Итомэ. — А вы, теперь!

Итомэ замолк. Подобное нарушение дисциплины могло привести к отчислению, но Рю понимал, что для Итомэ это важно. Итомэ тренировался только ради того, что бы стать мечником и самураем. Мне не приходилось с ним говорить об этом, но разговоры были не нужны. При виде самурая Итомэ наполнялся гордостью и счастьем, явно желая быть похожим на того, кого видит. Порой я замечал, что Итомэ сразу же пытался копировать выражение лица и походку увиденного самурая, таким образом приближая себя к своей мечте. Вот только Итомэ вёл себя как самурай лишь внешне.

В его поступках не было ничего того, что обычно есть в поступках каждого благородного воина. Итомэ вёл себя как настоящий подлец; обижал слабых и злорадствовал, пользуясь своей силой. Фехтование он изучал лишь ради того, что бы уметь наносить другим вред, а самураем хотел стать потому, что у них есть власть над обычными гражданами, и право носить настоящие мечи. Сам он, может, и не понимал этого, зато прекрасно понимал я, ведь не только мне приходилось страдать из-за его нападков. Он считал, что вправе унижить каждого, кто не равен или не превосходит его в бою. Разве истинные самураи могли себе такое позволить? Я был уверен, что нет.

— Вернись в строй, Итомэ, — строго и беззлобно произнес Рю. — Я тебя не отчислю. О том, почему и за что, а так же о том, как получить второй шанс, я тебе расскажу после тренировки.

— Хватит с меня, — покачал головой Итомэ, всхлипнув. — Отчислите. Я и так двенадцать лет жизни потратил зря. Простите, мастер.

Итомэ плакал. Это для меня было невероятным событием. Итомэ отвел глаза, не выдержав взгляда Рю, и коротко поклонившись, извинился, затем быстро зашагав из зала.

Вот так. Человек, который был моим ночным кошмаром первые семь лет, теперь сам отсёлся в процессе естественного отбора. Мне было трудно представить, как теперь Итомэ будет жить без тренировок, и как сможет достигнуть того, о чём мечтал? Без рекомендательного письма в самураи не попасть, это досадно, но разве нельзя было просто тренироваться? Наверное, нет. Я тоже не представлял, зачем нужно тренироваться, если не было возможности стать мечником. Но с другой стороны, когда мне представлялось, что мои тренировки прекращались, то становилось грустно.

Рю закрыл глаза и покачал головой. Интересно, испытывал ли Рю какие-то надежды в отношении Итомэ или нет? Всем было видно, как Итомэ ведёт себя, но почему-то никто

ничего не предпринимал. Разве не разумнее было исключить Итомэ раньше, что бы он и вправду не тратил за зря столько времени? Он ведь вполне мог обучаться чему-то другому, или у кого-то другого.

Почему Итомэ сдался? Рю ведь сказал ему, что он может получить второй шанс, и если он есть, разве не нужно сделать всё, что в твоих силах, что бы этот шанс получить? С первого раза ведь ничего не получается, и человек, давно занимающийся тренировками чего-либо, прекрасно это понимает. Видимо, Итомэ боялся очередного провала, было неизвестно, сколько времени он потратит на получение второй попытки.

— Все, кто не прошёл, — вернулся Рю к основной мысли, — оставайтесь после построения. Те, кто прошёл — доделывайте свои дела, собирайте вещи, и готовьтесь к отправке в ЦЭК.

Построение кончилось, и я, решив сегодня единственный раз закончить тренировку вместе со всеми, пошел принимать привычную ванну со льдом. Всё никак не мог привыкнуть к этому ощущению погружения в ледяную воду. Психологически, конечно, я уже привык, и с легкостью погружался в лёд, но острота ощущений никуда не пропадала. Это и радовало, и расстраивало одновременно. Сев в полную ванную, стоявшую в центре ванной комнаты, я расслабился. В помещении было прохладнее обычного, но этому я значения не придал.

Дверь открылась, и кто-то вошёл. Мне не хотелось вставать, что бы выяснить, кого принесло в ванную. «Вроде же ясно, что она занята мной» — скривился я. Встав перед дилеммой, где нужно было выбирать между ролью плохого парня и вежливого мальчика, я решил выбрать первое. Можно иногда и грубо отстоять своё личное пространство, особенно если кто-то нагло в него вторгается.

— Зачем пришёл? Не видишь, занято? — буркнул я, не оборачиваясь. Получилось не так грубо, как мне хотелось. Ну не выходило у меня корчить из себя злодея, никак. Иногда у меня даже возникали из-за этого расстройства.

Кто-то положил руки на мои плечи, и от этого прикосновения я вздрогнул, потревожив воду, отозвавшуюся плеском на моё движение.

— Мне можно, — нежно сказала Хеля, начав массировать мне плечи. Вода моментально пропитала тонкие кончики рукавов красного халата Хели, сползшие по моей груди. — Или ты возражаешь?

Как же мило она картавила. Каждый раз, когда слышал её голосок, и в особенности слова, где есть буква «Р», по телу пробегала приятная дрожь. У меня возникла мысль, что зайти без проса и положить руки на мои плечи мог кто-то из учеников. Это вызвало усмешку и отвращение одновременно. Хорошо, что это была Хеля, а не кто-то другой.

— Плечи болят? — заботливо спросила она.

Ничего у меня не болело. Но мне хотелось, что бы она касалась меня.

— Болят, очень, — попытался я выразиться максимально подлинно.

— Не выйдет, — ответила Хеля, почувствовав фальшь. Ложь она чувствовала очень хорошо. Она убрала руки с моих плеч, заставив меня сжать губы в приступе разочарования, но её следующий поступок меня порадовал. Она прошла перед ванной, грациозно виляя бёдрами, приковавшими к себе мой взгляд. Мне было непонятно, умышленно она делает это, или нет, но восторг мой был неописуем. Хеля приспустила халат, оголив шикарный изгиб спины, и развязав на поясе шнурок, полностью избавилась от одежды. Её волосы были завязаны в конский хвост.

Я оглядел её сверху донизу. От пяток до макушки, не в силах не задержать глаз на упругих ягодицах и талии. Хеля распустила волосы, и они накрыли её плечи. Мне вдруг стало страшно, что кто-то войдет, застукав Хелю в таком виде, но я тут же успокоился. За все годы принятия ванн ещё никто, кроме Хели сейчас, не осмеливался просто так войти.

Она повернулась, демонстрируя упругие груди, и торчащие то ли от холода, то ли от возбуждения соски. Энергии во мне стали двигаться так, что пропал весь холод. Мне показалось, что я сижу в обычной воде, нагретой до комнатной температуры. Вода нагрелась, или нагрелся я?

— Можно к тебе? — игриво спросила она, улыбнувшись.

Я кивнул, онемев от её великолепия. Меня поразило то, с каким спокойствием она смогла залезть в ледяную ванную, и более того, она даже не дрогнула, коснувшись воды.

— Ты раньше принимала такие ванны?

— Нет, — пожалала плечами Хеля. — Я сейчас контролирую температуру своего тела.

— Как? — удивился я. Мечники, конечно, тоже такое могли, но только тогда, когда у них есть селидиевые клинки. — Ты под кожей носишь селидий?

— Ты не скажешь Рю? — Хеля взглянула на меня светящимися еле заметным светом глазами. От удивления у меня отвисла челюсть.

Свечение глаз можно было создать лишь искусственно, но при этом обязательно светилась белая чакра, находящаяся во лбу. У Хели признаков применения чакры не ощущалось, и от неё вообще не исходило никакой энергии. В голове возникло две догадки: либо я тронулся умом, либо под Куполом были изобретены новые светящиеся линзы, которые Хеля надела. Опустив взгляд на соблазнительно торчащий из-под воды холмик груди, я быстро вернул глаза обратно, убедившись, что свечение никуда не пропало.

— Нет, — кивнул я, мысленно трогая каждый сантиметр её роскошного тела. — Не скажу.

Нужно было взять себя в руки. Вода, конечно, скрывала признаки моего возбуждения, но зато на лице все было написано. Хеля любила, когда её слушают, а я в таком состоянии просто не мог этого сделать. Женская логика — понимая, что возбужденный мужчина ужасный слушатель, женщина раздевается догола, и лезет к нему в ванную. Такой была Хеля. Мы с ней были вместе уже целых три года, успев много друг о друге узнать.

Поначалу было не просто, но когда мы научились лучше друг друга понимать, нам стало очень хорошо вместе. Она была молчалива, да и я не особо любил поговорить. Хеля для меня была тем человеком, с которым приятно даже помолчать, и она это очень ценила. Порой мы могли не общаться несколько дней, что немного удивляло окружающих, но нам было всё равно. Мы понимали друг друга чуть ли не телепатически.

Рю мы признались не сразу. Лишь спустя год, как пробыли вместе, и убедились, что всё серьёзно. К моему удивлению, словесно он воспринял всё спокойно, одоббив отношения, но взгляд был такой, будто он готов зарубить и меня, и Хелю. Наверное, мне так показалось.

— Я, — замялась она, и, судя по выражению лица, задумалась над тем, стоит ли мне доверять.

— Можешь не говорить, — ответил я, заметив её задумчивость. В конце-концов, она имела право на тайну, о которой мне не надо знать. — Я пойму.

— Прости, — Хеля отвернулась. — Я лучше расскажу тебе в другой раз.

Разумеется, я ждал, что она оценит мой жест, и с доверием отнесётся ко мне, тут же рассказав свой секрет. Отказ немного зацепил меня, но я решил не давить. Если Хеля

сказала, что расскажет потом, значит — расскажет потом. Такой был у неё характер, и она всегда держала слово. Мне показалось, что ей стало грустно, и у меня возникло непреодолимое желание сделать её приятно.

— Ну, — сказал я, нежно коснувшись её лица. — Не расстраивайся.

Хеля улыбнулась, и я потянулся к ней, прикасаясь своими губами к её губам. Сначала целовались робко, будто оценивая мягкость кожи друг друга, а затем я, крепче обняв Хелю, лишил себя контроля, и превратил сдержанный поцелуй в страстный.

Вечер был необычный, пасмурный, и беспокойный. Возвращаясь с прогулки, я увидел шагавшую по дороге группу людей, которые скрывали лица за масками и шарфами. Возникло ощущение, что они бежали несколько километров после того, как их сильно напугали. Чем-то они напоминали мне митингующих, которые вместо плакатов и лозунгов используют камни и коктейли Молотова.

Ещё я получил сообщение, что в Центральном районе были беспорядки. Дожили. Где угодно можно было представить мятежи, но никак не в Центральном районе, который по благоустройству первый. Там-то людям что может не нравится? Ладно Северный и Западный районы, у них там денежные проблемы, но Центральный.

— Может, они как раз оттуда?

— Извините, — попытался я остановить одного из них, но он покачал головой, не желая отвечать. Дальнейших попыток я предпринимать не стал, направившись домой. Мечники в дела рядовых преступников не лезли, потому моим делом были лишь тени, которых в последнее время в Купол вламывалось довольно много. У меня на поясе покачивалось два меча, длинный и короткий, которые я с гордостью носил уже как год.

Мне очень нравилось то, чем я занимаюсь. Мне нравилось использовать меч и тренироваться с ним, но были свои недостатки. Обязательная повинность господину Сору, которого выбрали за меня, была одним из них. Он давал большое жалованье. Прав у меня, как у самурая, было на порядок больше, чем у обычных граждан. Раздражала лишь слепая преданность, которой требовал Сору, и раздражало то, что он ни во что не ставя кодекс чести, использовал его против меня иногда. Так, наверное, было надо, что бы я ни раскисал, и не забывал, кто такой.

Тренировался я уже не так долго, как раньше, но по-прежнему, дольше чем остальные.

Мой планшет завибрировал, щекоча бедро, и я достал его. На почту пришло сообщение с пометкой «Важно». Писал Ичинару, и новости у него были не хорошие. Хеля снова попала в неприятности.

— Хеля! — сквозь зубы прошипел я.

Ичинару написал, что Хеля в полицейском участке, и её нужно забрать. «Почему сразу нельзя было написать мне?» — подумал я раздраженно.

Дойдя до полицейского участка пешком, я зашёл в холл, стены которого были выложены мрамором. За стойкой дежурного меня встретил угрюмый офицер Джун, бдительно рассматривающий прохожих, и держа ладонь на рукоятке меча. Постоянная щетина на лице Джун не переставала удивлять меня, и он, видимо, был единственным офицером на весь участок, который позволял себе так выглядеть.

— Когда ты побреешься, Джун? — приветливо спросил я, заставив Джуну раздраженно закатить глаза.

— Когда надоеет быть личностью, — буркнул Джун.

— Как тебя сюда взяли, — беззлобно сказал я, изогнув бровь и облокотившись на стойку.

— Ты что тут делаешь? Хеля сказала, что придет Ичинару.

— О, а вы уже на короткой ноге, — по-детски приревновал я. — Ичинару не может постоянно её вытаскивать.

Мне было тяжело представить, что Ичинару устал от того, что бы забирать Хелю. Мне

не верилось, что Ичинару в принципе отказался увидаться с ней. Значит, на то были действительно уважительные причины. Ичинару либо попал в патрулирование, либо на вызов. Он от Хели был без ума, и порой меня сжирала ревность, пусть весьма беспочвенная, но неприятная.

— Я тоже не могу её постоянно прикрывать, — Джун явно смутился. — Я, конечно, понимаю, ты мечник там, все дела, повязку на плече крутую носишь, но начальство не будет вечно верить, что всеми косяками твоей женщины занимаешься ты, и уж тем более клан Шести Клинков. Им нужны тени, а не люди.

— Она часть клана Шести Клинков, и она подданная господина Сору. Ему с ней и разбираться, — пожал плечами я. Этот разговор был скорее для галочки, ведь мы оба знали, что Хеля лишь формально числилась подданной в клане Шести Клинков, и к господину Сору относилась лишь на бумажках. Самураем она не была, служанкой или кем-то, относящимся к двору господина Сору, тоже. Жила она, соответственно, за мой счет, а сама лишь изредка подрабатывала художником, когда было настроение. Вот этого я не понимал. Рисуи она чаще, то имела бы более совершенный навык, и могла бы жить независимо от меня или Рю, но были у неё какие-то другие важные дела.

— Где её взяли и за что?

Джун вздохнул, сказав:

— Центральный район. Митинг против управленческих методов Всесильных.

С трудом скрыв возникшее удивление, я пошел за Хелей. Я добрёл до коридора, и остановился перед решётчатой дверью, возле которой стоял сонный дневальный.

Вскоре Хелю привёл охранник, державший её под локоть. Мы переглянулись, и, столкнувшись со мной взглядом, она тут же отвела глаза, но не от стыда, а от раздражения скорее. Дневальный открыл дверь, и Хеля прошла через дверной проём, застыв передо мной. Моя попытка обнять её кончилась тем, что она выскользнула из объятий, сказав: Отстань!

Мы снова вышли в мраморный холл. Кивком поблагодарив Джуна, я вывел Хелю из полицейского участка, и мы направились домой.

— Ну и? — спросил я, требуя пояснения с её стороны. Уже не первый раз мне приходилось забирать её из полицейского участка.

С тех пор, как я увидел в её глазах странное свечение, и с тех пор, как я стал мечником, прошло три года. Наши отношения несколько изменились, как и точки зрения, которых мы придерживались, что собственно и послужило причиной изменений. Иногда у меня возникало ощущение, что Хеля разочаровалась во мне, заметив, что моё поведение стало более смирным.

Хеля не отвечала, и это начинало меня злить, ведь мало того, что мне пришлось забыть обо всех своих делах, так ещё теперь мне отказываются поведать причину, почему меня побеспокоили.

— У меня были планы на вечер, — недовольно сказал я. — И мне хотелось бы знать, с какой стати я должен был их отменить.

— Остался бы дома, — фыркнула Хеля. — Ичинару бы забрал меня. Не сегодня, так завтра.

Невероятно. Кто бы мог подумать, что через несколько лет я буду говорить «Планы на вечер», и не иметь в виду Хелю? Когда в наших отношениях появилась брешь и по чьей вине? Я уже не испытывал к Хеле тех жгучих чувств, что раньше, но одна мысль о разлуке доставляла мне невыносимую боль. Парни из моего отряда говорили, что я боюсь потерять

её потому, что уже привязался, но слушать мне их не хотелось. Нам ведь было хорошо вместе, и не только в физическом плане. Мы были друг с другом не ради плотских утех, как это происходило в большинстве пар. Мы оба понимали, что дело не только в прошедшей влюблённости, дело в чём-то ещё. Понимали, но пока никто не нашёл ответа. Вероятно из-за этого мы пока не расстались. Меня иногда беспокоили мысли о том, что Хелю смог бы отвоевать Ичинару. Наверняка был какой-то способ рестарта в отношениях, и нужно только его отыскать.

— Ага, — кивнул я, приподняв край губы. — А Рю ты бы что сказала? Своим поведением ты порочишь честь клана.

— Ты говоришь как он! — вспылила Хеля. — Всесильные уже давно подтерлись вашим кодексом чести! С помощью него людьми управляют, ты сам говорил! Там то и о чести почти ничего нет! Если ты называешь честью пресмыкательство перед начальством, то мне тебя жалко! Ведь в Бусидо в основном отношения с начальством и прописаны!

— Ну, — хотел я оправдаться, но не сразу нашёл слова, что бы возразить ей.

— Правители же просто используют кодекс, что бы создать для обществу уважительную причину управлять вами и убивать вас, в случае если вы станете не выгодными! А для вас кодекс — уважительная причина быть выгодными правительству! Это же очевидно! Правители боятся вас, потому и используют ваше Бусидо, чтобы вы были как телки!

— Кодекс чести не только инструмент управления, он, — попытался я объяснить, но Хеля настаивала на своём, не желая слушать. Такого неуважения по отношению к самураям не стерпел бы никто, но я, не смотря на то, что был одним из них, не был фанатичен по отношению к своему положению, по видимым на то причинам.

— Вспомни Джонатана из Яркого света! За что его казнили, а?!

— За нарушение дисциплины, поставившее под угрозу жителей Купола.

— За нарушение дисциплины! — эхом повторила Хеля. — Это они так сказали. Ты мне скажи, за что убили Джонатана Редклифа? Ну да, конечно, гораздо проще заставить знатного самурая вспороть себе живот, пропитав его пропагандой, чем убивать его, боясь сопротивления! Почётное самоубийство! Что за бредятина! — Хеля говорила это с искренней и страшной злобой, заглядывая мне в лицо.

За нарушение дисциплины. За что же ещё его могли убить? Никто не заставит просто так, по пустяковой причине, вскрывать себе живот. У меня была крепчайшая уверенность в том, что Европа совершил сильный проступок.

Но правда была в том, что я не знал, за что убили Европу. Мне приходилось полностью доверять Всесильным в указании следствий и указании причин. Они знали, видели, и делали всё, а остальным приходилось лишь доверять. Вдруг откуда-то из подсознания мне пришла мысль, что слова Хели мне не по душе, ведь оппозиционные речи, призванные к свержению господина, прямой вызов клану, а наказание за это — смерть.

— Хватит, Хеля! — крикнул я. — Контроль над населением нужен! Иначе будет хаос!

— Это уважительная причина для присутствия власти, придуманная властью!

Я не стал отвечать. Мы приблизились к нашей улице, которая была за поворотом, и прежде чем повернуть, я успел разглядеть большой рекламный щит, на котором была изображена бутылка дорого коньяка «Хеннеси». Никогда не понимал этих напитков, ни крепких, ни даже лёгких. Выпивающие оправдывали употребление спиртных напитков словами «отдохнуть», и «расслабиться», но какой отдых в наполнении организма парами

этилового спирта и помутнении рассудка? Отдохнуть можно по другому, притом не нанося себе никакого вреда и не меняя рассудка. «Хеннеси» производился в Западном районе, и на него нашёлся спрос, причём всюду.

— Они же лгут, Рэн! Они всем, и всегда лгут! Почему ты им веришь?

— А почему им не верить?

— Действительно, — Хеля пожала плечами. — Проще быть телком, который ничего не ведаёт, чем понимать то, что ты в стаде, и что растят тебя для бойни.

Суть её слов начинала казаться мне резонной, но я приложил волевое усилие, что бы подавить возникающий внутренний бунт.

К счастью, Рю нам на глаза не попался, потому, отчитываться перед ним не пришлось. В тот момент Хеля наверняка жалела, что мы до сих пор жили в одной комнате, ведь ей даже было некуда от меня деться. Она не могла обиженно уйти куда-то, и хлопнуть дверью. Но всё же, место для уединения было. Собрав вещи для душевой, она пошла мыться. Сев за компьютер, я решил проверить почту. Сообщение из Восточной палаты Всесильных: «Господин Нагихато желает видеть вас у себя, прямо сейчас».

«Блеск» — подумал я раздраженно. Впервые Нагихато назначал встречу так поздно, и мне даже стало очень интересно, по какому такому поводу.

Охотно выйдя под открытое вечернее небо, я дошёл до конца улицы.

Пешком до Центрального района идти было довольно долго, потому я решил заказать такси. Водитель быстро доставил меня до замка Нагихато, который имел внушительные размеры и высокие стены, прям как во времена феодальной Японии. Расплатившись с водителем, я направился к воротам, и от чего-то мне стало не по себе.

Ворота открылись, и, пройдя через них, я вскоре оказался в замке, миновав двор. Обстановка внутри была роскошная. Дом украшали антикварные вещи, и такая же антикварная мебель, которой, впрочем, было не так много, но она наверняка стоила немалых денег. Видимо, кто-то производил вещи по личному заказу Всесильного.

Нагихато никогда не ходил с охраной, и в этот раз тоже встречал меня в одиночку, отодвинув дверь своей переговорной комнаты.

— Рэн, — кивнул он, приветствуя меня. Я почтительно поклонился.

— Господин Нагихато, — ответил я ему.

— Проходи, будь гостем, — сказал Нагихато. «Спасибо, — подумал я. — Но лучше бы я сейчас был дома».

— Спасибо, господин, — ответил я, и мы вошли в переговорную, рассевшись друг напротив друга за небольшим чайным столиком. Рядом с Нагихато стояла небольшая серая коробочка.

— Уверен, тебе любопытно, зачем я позвал тебя в столь позднее время, — начал Нагихато. Аппетитная женщина в синем кимоно принесла поднос с чайным набором, и Нагихато жестом попросил её разлить напиток по чашкам. Сделав дело, женщина удалилась. Я отпил чаю, отметив, что он зеленый. Любил зеленый чай. Без сахара его можно было пить в любых количествах, и для здоровья он полезен.

Я кивнул, не желая лишний раз подавать голос, чтобы не выдать сидящее во мне недовольство.

— Не волнуйся, — сказал Нагихато, словно чувствуя моё раздражение. — Причина вполне стоит того, что бы беспокоить тебя в столь позднее время. Прежде, чем приступим к разговору о деле, расскажи, как у тебя дела в отряде? Слышал, ты отказался от повышения,

хоть я и лично тебя на него выдвинул.

— Это оскорбило вас? — осторожно спросил я.

— Нет, скорее ты зарекомендовал себя как глупец, — беззлобно сказал Нагихато. — Зачем-же отказываться от более великих привилегий и большего жалованья?

Глупец. Да, обидно.

— Дело не в жаловании и привилегиях, дело в свободном времени. У рядового бойца его намного больше, чем у офицера.

— Ты боишься ответственности?

Почувствовав неловкость, я хотел согласиться с ним, но понял, что этого делать нельзя. Мне в принципе было страшно отвечать на его вопросы, и я даже не понимал, почему. Я постарался быть честным с ним.

— Я боюсь отсутствия тренировок, которых лишусь, из-за того что буду завален бумажной работой. На службу я пошел ради того, что бы разить мечом, а не отсиживаться в штабе командующих.

Кивнув, Нагихато похоже оценил мою искренность.

— Мне нравится твоя прямота, Рэн, и я не против того, чтобы ты остался рядовым. Конфуций в своём учении сказал, что правитель должен быть правителем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном. Потому, меня радует твоё стремление занимать своё место в обществе. Мечник должен быть мечником, а рядовой — рядовым. Есть у меня к тебе предложение. Готов выслушать?

Нагихато был повернут на конфуцианстве, и видел себя с окружающими лишь в строгих социальных рамках, которые формируются в обществе. Никакой гибкости он не принимал, ровным счетом как и желание выяснить что-то о распоряжении, которое он хотел дать. Вот во что, а в богов и прочую чепуху я не верил ни капли, а конфуцианство воспринимал как инструмент, который должен жестче контролировать общество, и без того находящееся под достаточным, на мой взгляд, контролем.

В качестве ответа на свой вопрос Нагихато примет только ответ «Да», и я не должен сметь интересоваться подробностями того, что он мне поручит. Не считая пару нюансов, которые возможно будут. По ощущениям мне сразу стало понятно, что я услышу не просьбу, а приказ.

Снова оставив Нагихато без ответа, я сделал максимально сосредоточенное лицо, приготовившись слушать. Говорить я себе позволял только тогда, когда задавали вопросы, иначе тоже было можно, но страшно. Во-первых — не хотелось выглядеть неуверенно, во вторых, сказав что-то не так, я мог создать себе плохую репутацию, а то и вовсе лишиться всего.

Отпив чаю, Нагихато сказал:

— Что же, — взяв коробочку, стоявшую рядом, он поставил её на стол рядом с подносом. — Это нужно доставить Всесильному Говарду Западного района. Справишься? Посылка невероятно важна для отношений между нашими районами. Она укрепит их, и позволит улучшить нашу экономику, сделав жизнь народа более насыщенной и хорошей.

Я кивнул, и Нагихато в ответ довольно улыбнулся, погладив рубец на щеке. Нагихато, как и остальные Всесильные, был довольно молод, и мне всегда было интересно, каким образом можно было достичь таких высот в столь юном возрасте. Хотя, поговаривали, что Всесильным много лет, просто они омолаживались за счёт каких-то тайных операций.

Взяв коробочку в руки, я ощутил, что она имеет довольно большой вес для таких

скромных размеров. К тому же, вес этот был довольно неустойчив. У меня возникло ощущение, что внутри, стоит мне чуть изменить наклон коробки, начинает кататься большой металлический шарик.

Заметив мою игру с коробкой, Нагихато вскинул бровь, и я тут же прекратил, поставив коробочку рядом с собой.

— Смотри, — Нагихато глотнул чая. — Это очень важная посылка. Доставить её желательно к завтрашнему утру. Не вздумай потерять. Давным-давно мой прошлый подопечный с этим заданием не справился, и был казнён. Думаю, намёк тебе понятен.

Перед мысленным взором появился образ Европы, вспоровшего себе живот, но я тут же прогнал эту пугающую картинку. Мне захотелось спросить, что в этой коробочке такого ценного, но задавать вопросы не положено. Сказали — сделай. Это было философией успеха под Куполом. Чем меньше мыслей и раздумий ты допускал по поводу распоряжений, которые дают тебе свыше, тем успешнее ты был.

Нагихато жестом попросил меня удалиться. Низко поклонившись, я вышел из комнаты, положив коробку в дорожный рюкзачок, который мне дали на выходе.

В коридоре, перед выходом из поместья, из-за поворота неожиданно выскочил мужчина в белом халате, несущий толстую стопку бумаг. Я врезался в него, и бумаги разлетелись от силы столкновения, став падать на пол.

— Извините пожалуйста!

— Ничего, всё нормально, — поспешил я успокоить его, помогая собрать бумаги.

Мы разошлись, и я пытался понять, врач это был, или лаборант.

Ворота за мной закрыли, и, оказавшись на ночной улице один, я почувствовал появившуюся тоску. Сообщение от палаты Всесильных было неожиданным, и у меня не было времени осознать, что между мной и Хелей почти всё кончено.

Где наши отношения надломились, Хеля? Почему ты так себя ведешь? Почему просто не хочешь согласиться с философией, которая даже для меня стала почти догмой, не смотря на мой бунтарский дух, сидевший во мне раньше? Если бы не её упрямство, у нас наверняка всё было бы нормально. Пока она не стала связываться с этими мятежно настроенными отморозками, мы жили душа в душу.

Недовольно цокнув, я положил ладонь на рукоять катаны, и двинулся в ночную темноту. Мне очень хотелось носить три меча, включая тот, который запечатан, но это было запрещено правилами нашего этикета. Потому я был носить лишь два.

С выбором меча было целое приключение. Стоило мне зайти в лавку мечников, как на меня тут же набросились со всех сторон, предлагая шикарные клинки, роскошные гарды и рукоятки, на которых была изящная гравировка и чудесные рисунки. Соблазнов было множество, но вся эта внешняя отделка настолько увеличивала стоимость меча, что продавец казался самым настоящим мошенником. Мне, конечно, хотелось взять подороже, ведь казалось, что дороже, значит лучше, но к счастью, рядом был Рю. Он молча оградил меня от навязчивых продавцов, и шел до тех пор, пока не дошел до самой заурядной лавки. Мечи там были самые обычные. Ими торговал оружейник, а не лавочник, и Рю этого оружейника давно знал. Мне выбрали самый невзрачный черный меч, с черными ножнами и черной рукоятью. Оружейник сказал, этот клинок в бою стоит тысячи красочных, хотя цена ему в несколько раз меньше.

Я мотнул головой, прогоняя воспоминания, и возвращаясь в реальность.

Дорога до Западного района была неблизкой, но раз Нагихато сказал, что доставка

должна быть осуществлена до утра, то можно было и прогуляться.

Проходя через Центральный район, я видел следы прошедшего «митинга», которые выглядели скорее как настоящий бунт. Всюду были осколки стекол, перевернутые машины, побитые витрины, а кое-где даже стояли большие полицейские патрули. Сначала офицеры взглянули на меня с опаской и подозрением. Они не верили мечам и повязке на плече, потому, пришлось зажать чакру света во лбу, которая стала моим пропуском. Кивнув, офицеры отвернулись, и я смог беспрепятственно пойти дальше.

На моё кимоно упала капля дождя. Взглянув вверх, я увидел, что небо затянуло тучами, от чего на улице стало ещё темнее. «С чего вдруг метеорологам давать дождь сегодня? С урожаем, что ли, проблемы» — подумал я. Вдруг блеснула молния, расчертив небо, и за ней последовал раскат грома.

Я даже не дрогнул. Всё было ненатуральным, и ненастоящим. Однако, чувство тревоги такая погода, всё же, внушила, и я решил ускориться. Проходя мимо переулков, я увидел в одном из них группу людей, скрывающих лица, прям как те, которых я видел в Восточном районе по дороге домой. На них были капюшоны и очки. Они нервозно выглядывали из-за угла, поглядывая на полицейских, и иногда попадая в тусклый лунный свет, с трудом пробивавшийся сквозь облака. На поясе одного из них блеснула рукоять меча с очень красивой отделкой, и мне сразу вспомнились лавочники в лавках мечников.

Один из них меня заметил, и, похоже, хотел сказать что-то дерзкое. Увидев у меня катаны он сник, и лишь проводил взглядом. Страха парни во мне не вызвали, лишь лёгкое боевое напряжение. Пять или шесть целей — дело пяти или шести ударов. Больше одного я наносил не всегда, но иногда приходилось.

[Купить полную версию книги](#)